

Свое

март 2015

журнал
Никиты Михалкова

*По тропинке шагая узкой,
Повторяю — который раз! —
«Хорошо, что с душою русской
И на русской земле родилась!»*

Юлия Друнина

От матушки до матушки

Первое взятие Берлина
и другие завоевания
русских цариц

Страсти по Саломе

С ней говорил
«Заратустра»

«Ткачиха»

союзного значения

Екатерина Фурцева:
судьба, характер, мифы

Государства, в которых не имеют почтения ни к старикам, ни к отцам и матерям, близки к падению.

Сделай добро, дабы делать добро, а не ради того, чтоб приобрести похвалу или благодарность. Добрые дела сами собою воздаяния приносят.

Оказывайте доверие лишь тем, кто имеет мужество при случае вам поперечить и кто предпочитает ваше доброе имя вашей милости.

**Императрица Екатерина Великая
(1729–1796)**

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

- 2 Слово издателя**
«Ты вся — как горла перехват...»
- 3–5 Корневая система**
Русь равноправная
Гендерная гармония задолго до феминизма
- 6–9 Корона Российской империи**
От матушки до матушки
- 10–13 Эпоха просвещения**
Екатерина немалая
*Дерзкая интеллектуалка
княгиня Дашкова*
- 14–17 Дом Романовых**
Датчанка, русская душой
*Императрица Мария Федоровна:
полвека служения Отечеству*
- 18–21 Русский след**
Страсти по Саломе
- 22–23 Великие реалисты**
Запечатленное счастье
Русоволосые красавицы Федота Сычкова
- 24–27 Родное слово**
24–26 «Я научилась просто, мудро жить»
Не поэтесса, а поэт: Анна Ахматова
27 Книжная палата
- 28–31 Война и мир**
Амазонки Второй мировой
Где сражалась дочь Сергея Кирова
- 32–35 Служу России**
Семья резидентов
*Кому СССР обязан
собственной атомной бомбой*
- 36–39 Символ веры**
Услышит и поможет
О чем просят святую Матрону Московскую
- 40–43 Советская власть**
«Ткачиха» союзного значения
- 44–47 Славянский рубеж**
Сердце матери
- 48 Трапезная**
Где супы с грибами, там и мы с руками

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

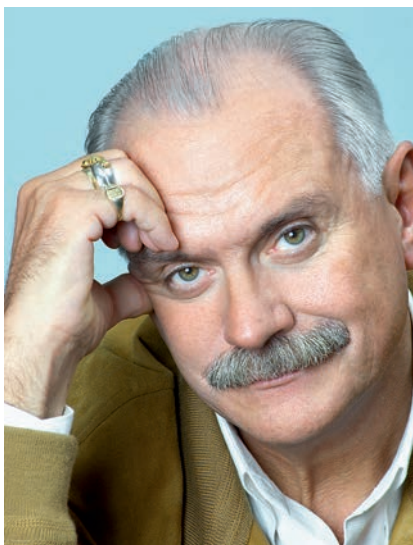
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 34 000

Подписано в печать 16 февраля 2015 г.

Слово издателя

«Ты вся — как горла перехват...»

Чем моложе я был, тем с большим апломбом верил, что знаю про женщин все. Однако со временем эта самонадеянность блекла и уходила, уступая место сомнению, удивлению, вопросам без ответов. А когда я на продолжительное время остался наедине с четырехлетней дочерью Надей в Париже (там я монтировал «Ургу»), то окончательно убедился, что не знаю про женщин ничего. Мы жили вдвоем, поблизости не было ни мамы, ни бабушек, ни нянь. Надя постоянно находилась рядом со мной, и в процессе нашего общения я понял: все, из чего складывается женщина, заложено в ней с младенчества. И женская хитрость, и женская наивность. И женская любовь, и женское злопамятство. И женская жестокость. И непостижимость женского обаяния. А главное — связь женщины напрямую с Богом, через ощущение в себе другой жизни...

Я наблюдал за Надей, за тем, как она реагирует на самые разные явления жизни. Начиная от рассматривания витрин и заканчивая ее более чем выразительным взглядом, когда на какой-то вечеринке я с кем-то танцевал... До сих пор помню, как, желая проявить независимость, она отсела от меня в кафе за соседний столик и, положив ногу на ногу, тянула через трубочку фруктовый коктейль, покачивая головой в такт негритянскому джазовому трио...

Именно в то время наивная иллюзия, будто бы мужчина может читать женщину, словно раскрытую книгу, покинула меня навсегда. Пройдя свои «мужские университеты» — общаясь с четырехлетней девочкой, я действительно понял, что явление под названием Женщина для нас до конца не постижимо. И эта непостижимость, недостижимость, вечное желание разгадывать и столь же вечное ошеломление перед лицом новых тайн и загадок всегда делали женщину такой непоколебимо привлекательной для мужского сердца.

Сегодняшний мир, к сожалению, превращен таинственным словом «толерантность» в грязную яму греха и вседозволенности — с изорванными представлениями о добре и зле, невероятной мужской инфантильностью, уродливыми искривлениями человеческого сознания. В этом мире, чтобы мужчине оставаться мужчиной, а женщине — женщиной, чтобы быть любимым и любить в соответствии с Божественным замыслом, требуется огромное мужество.

На мой взгляд, одно из самых потрясающих определений женщины можно найти в стихах Пастернака: «О женщина, твой вид и взгляд / Ничуть меня в тупик не ставят. / Ты вся — как горла перехват, / Когда его волнение сдавит. / Ты создана как бы вчерне, / Как строчка из другого цикла, / Как будто не шутя во сне / Из моего ребра возникла. / И тотчас вырвалась из рук / И выскользнула из объятий, / Сама — смятенье и испуг / И сердца мужского сжатье».

A handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, connected loops and strokes.

Русь равноправная

Бытует у нас издавна ложное представление: якобы русские женщины в древние времена были темными, забитыми, бесправными. То ли дело на галантном Западе с его турнирами да победами, посвященными дамам рыцарских сердец!.. Такие стереотипы сильно противоречат исторической правде. Вспомним, к примеру, св. равноапостольную великую княгиню Ольгу. Самолично водила в бой войска, осуществляла важнейшие государственные реформы. Впервые внедрила на Руси систему постоянной администрации, сеть погостов (населенных пунктов). Разработала «уроки» — нормы налогообложения для разных местностей. Проявила себя мудрым дипломатом, в частности, возглавила большое посольство в Константинополь (причем с ней ехали 35 дам свиты). А страной управляла вплоть до своей смерти в 969 году. Пока сын Святослав находился в походах, правительством руководила его мать.

Корневая система

Валерий Пишугин

ЯРКИЕ фигуры русских женщин запечатлелись не только в отечественных летописях, но и в зарубежных хрониках. Породниться с государями могущественной, богатой и культурной Руси европейские монархи считали за честь. Так, однажды ко двору Ярослава Мудрого (ок. 978–1054) приехал изгнанник из Норвегии, принц и поэт Гарольд Смелый. Он влюбился в дочь Ярослава Елизавету. Нищий эмигрант был для нее неподходящей партией, получил отказ. Гарольд с отрядом викингов уехал служить в Византию, но любовь сберег, слагал песни. И все посвящал Елизавете.

До нас дошли 16 из них. «Мы видели берега Сицилии и, плывая на быстрых кораблях, искали славы... В чем я не искусен? Сражаюсь храбро, сижу на коне твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, метко бросаю копье, владею веслом, но русская красавица меня презирает!» — сетовал родовитый викинг. Из походов он вернулся героем, с богатыми трофеями. К тому же стал претендентом на норвежский трон. Ярослав и его дочь наконец дали согласие. Елизавета стала королевой Норвегии. Через некоторое время Гарольд погиб, но «русская красавица» во вдовах не засиделась. Ей предложил руку и сердце соседний властитель, и Елизавета превратилась в королеву Дании.

Другая дочь Ярослава, Анастасия, надела корону Венгрии. К третьей, Анне, посватался король Франции Генрих I. Приехав к же-

ниху, та поразила всех красотой и грациозностью. Ее приданое представлялось французам сказочным богатством, наряды — невысказанной роскошью. Но саму Анну Франция разочаровала. Она писала отцу: «В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны».

Действительно, сравнение с Русью было не в пользу чужих земель. Сохранились документы, где красуется аккуратная подпись Анны на латыни, а рядом крест, поставленный мужем, — он был неграмотным. Русская княжна любила выезжать на охоту, метко стреляла из лука — все это было в диковинку французам. Их женщины сидели по домам, за пядями или пустой болтовней. Анна впервые начала устраивать во Франции светские приемы. Когда муж умер, она стала

править государством в качестве регентши при сыне, Филиппе I. По любви второй раз вышла замуж за графа де Крепи. Сын глубоко уважал мать. Даже после того как достиг совершеннолетия, привлекал ее к управлению Францией, государственные акты они подписывали вдвоем.

В европейской истории проявили себя и многие другие дочери князей Руси. Они нередко становились королевами — Польши, Венгрии. С русскими женами делили трон короли Сигурд Норвежский, Эрик Датский, король ободритов Канут (датские хроники сообщают, что его супруга Ирина прославилась мудростью, была во всех делах советницей мужа).

Центром мировой культуры в ту эпоху считалась Византия. Ее императоры долгое время избегали род-

Дочери Ярослава Мудрого.
Фреска в Софийском соборе. Киев

Княгиня Ольга посылает князю Святославу известие о нашествии печенегов на Русь. Радзивилловская летопись. XV век

ниться с «варварами». Но расцвет Руси заставил считаться с ней. Император Михаил VII попросил для своего наследника Константина Дуки руку дочери великого князя Всеволода Ярославича (1030–1093) Янки. Правда, в Византии произошел переворот, Константина Дуку заточили в монастырь, и Янка вернулась домой. Тем не менее она играла видную роль в общественной и политической жизни.

В 1089 году умер киевский митрополит Иоанн II, и Янка Всеволодовна возглавила посольство в Константинополь, чтобы подобрать ему замену. Со своей задачей княжна справилась блестяще, провела непростые переговоры при императорском дворе, в патриархии и привезла митрополита Иоанна III, вполне подходящего для Руси. Однако замуж Янка уже не вышла. Построив в Киеве женский Андреевский монастырь, стала его игуменьей. При этом монастыре организовала первую на Руси школу для девочек.

Дочь Владимира Мономаха (1053–1125) Мария стала женой претендента на византийский престол. А внучку великого князя Добродее (Евпраксию) император Иоанн Комнин сосватал за своего наследника Алексея. Княжна

поразила Константинополь своей ученостью. Она была великолепным врачом, умела лечить травами, писала медицинские труды. Сохранился ее трактат «Алимма» («Мази»). Книга содержит разделы по общей гигиене человека, гигие-

Дочери князей Руси нередко становились королевами европейских стран. С русскими женами делили трон короли Сигурд Норвежский, Эрик Датский, король ободритов Канут

не брака, беременности, уходу за детьми, по правилам питания, наружным и внутренним болезням, диеты, рекомендации по лечению мазями, приемы массажа. Наверняка Добродеея была не единственной такой специалисткой. На родине у нее имелись наставницы, а у наставниц были и другие ученицы.

На Руси женщина пользовалась очень большой свободой. Закон защищал ее права. Оскорбление женщин наказывалось вдвое большим штрафом, чем оскорбление муж-

чин. Представительницы «слабого пола» полноправно владели движимым и недвижимым имуществом. Если в семье не было сыновей, наследницами выступали дочери. Женщины заключали сделки, судились. Среди них было много грамотных, новгородскими берестяными записками обменивались даже простолюдинки.

Умели и владеть оружием. Сохранились упоминания о том, как они обороняли стены городов вместе с мужчинами. Участвовали даже в судебных поединках. Вообще в таких случаях разрешалось нанимать вместо себя бойца, но Псковская Судная грамота оговаривала: «А жонки с жонкою присужати поле, а наймиту от жонки не быти ни с одну сторону». Если выпадал по суду поединок с мужчиной, то, пожалуйста, выставляя наемника, а ежели с женщиной — нельзя. Сами облачайтесь в доспехи, выходите конными или пешими, берите мечи, копыя, секиры и рубитесь. Очевидно, закон имел и хитрую подоплеку. Повздорят две дамы, заплатят бойцам, и один из них не ровен час погибнет или покалечится из-за пустяковой ссоры. Но, предполагая такое, не станут по мелочам рисковать, помирятся.

Корона Российской империи

В. ЭРИКСЕН. «ПОРТРЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ». 1757

В. ЭРИКСЕН. «ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ». 1762-1764

От матушки до матушки

Валерий Шамбаров

В отечественной истории имена этих императриц стоят рядом. Во многом они были непохожи. У них различались характеры, вкусы, привычки, происхождение. Одна — изначально русская, дочь Петра Великого. Другая — из семьи германского аристократа. Но было и очень важное, что их родило. Обе возвысили нашу державу, обеспечили ей периоды славы и прогресса. Обе их любили подданные, величали «матушками». Обе дерзнули взять власть сами, опираясь на военных. И получили поддержку, ибо выступили против засилья чужеземцев...

В ОЦАРЕНИЮ Елизаветы предшествовало недоброй памяти правление Бирона. Тогда немцы хлынули в нашу страну «на заработки», и временщик раздавал клеветам сытные кормушки. В 1740-м умерла Анна Иоанновна, и власть ненадолго перешла к Брауншвейгской династии. Наследником объявили внучатого племянника покойной государыни, младенца Иоанна VI. Его родители, Анна Мекленбург-Шверинская и принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебургский, вели себя беспечно и безответственно. Вокруг ребенка завязалась жесткая свара. Сначала регентом стал Бирон. Его свергли фельдмаршал Миних с графом Остерманом и Левенвольдом. Потом и они сцепились между собой.

Положение страны тем временем ухудшалось, разорялось хозяйство, деградировала армия, скудела казна. Всюду множились злоупотребления. Дошло до того, что на Россию решилась напасть Швеция. Сочла, что настал подходящий момент вернуть земли, отвоеванные Петром. Причем делала ставку на восстание русских. Неприятельский главнокомандующий Левен-

гаупт выпустил манифест, провозгласивший, что война начата «для освобождения русского народа от несносного ига... Намерения короля шведского состоят в том, чтобы избавить достохвальную русскую нацию для ее собственной безопасности от тяжкого чужеземного притеснения». Население призывали «соединиться со шведами», отдаваться под их покровительство.

Но русские предпочли другую избавительницу. Еще в 1730-м, после смерти Петра II, звучали предложения возвести на престол царевну Елизавету Петровну. Тогда победила кандидатура Анны Иоанновны. Елизавета десять лет жила под полицейским надзором, ей неоднократно грозило пострижение в мо-

Страна перевела дух после хищничества временщиков, частых перемен во власти. Развивались экономика, торговля. По своему духу и характеру царица была близка народу

нахини. Она научилась изображать пустую и ветреную особу, интересующуюся только танцами. Бирон поверил. Купились даже шведы и их союзники французы. Предлагали царевне организовать переворот — с условием возвратить приобретение Петра, уйти с Балтики.

Однако Елизавета обошлась без них. В ночь на 25 ноября (ст. ст.) 1741-го явилась в казарму Преображенского полка, позвала солдат за собой. Никаких политических лозунгов не выдвигала, ее программа заключалась в двух словах — «дочь Петра». Этого оказалось достаточно. Всего одна рота арестовала Брауншвейгское семейство и министров. За них никто не вступился.

Надежды, на нее возлагавшиеся, дочь Петра оправдала полностью. На фронте вместо неуверенного маневрирования туда-сюда на шведов посыпались мощные удары. Вскоре авторитет России подтвердили и всему Западу. Европу раздирала война за австрийское наследство. Франция, Пруссия и их союзники силились расчленить одряхлевшую империю Габсбургов. Но в 1747-м вмешалась Елизавета Петровна, которая отправила корпус на Рейн, и перепуганная Франция сразу взмолилась о мире. Россия стала гарантом стабильности в Европе. Теперь все державы заискивали перед ней.

Елизавета умела выдвигать талантливых деятелей — таких, как братья Шуваловы, Воронцов, Бестужев-Рюмин... Были расширены состав и полномочия Сената. Страна перевела дух после хищничества временщиков, частых перемен во власти. Развивались экономика, торговля. По своему духу и характеру царица была близка народу. Являлась глубоко верующей, истово молилась, постилась, регулярно совершала паломничества. Подданных старалась оградить от тлетворных влияний. К примеру, издала указ, запрещающий ввоз иностранных книг без духовной цензуры.

Ф. МОСКВИТИН. «ПРИСАЯГА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ», 1995

Но это вовсе не означало косности или фанатизма. Под эгидой Елизаветы получил всемерную поддержку, расцвел гений Ломоносова, был учрежден Московский университет, появились гимназии в Москве и Казани. Большое внимание уделялось Императорской академии наук, возникла Академия художеств. Научные и административные достижения сказывались на развитии промышленности. Совершенствовалась армия. Под руководством графа Шувалова была создана лучшая в мире артиллерия.

Возросшая мощь России отчетливо проявилась в годы Семилетней войны. Фридрих Прусский (получивший на континенте, заметим особо, прозвище Великий) перетряхнул всю Европу, вдребезги разгромил и Францию, и Австрию. Но стоило вступить в войну Елизавете, как победы «Великого» кончились. Русские разбили его под Гросс-Егерсдорфом, он потерпел сокрушительное поражение под Кунерсдорфом. В 1760-м наши полки в первый (но не последний) раз победоносно промаршировали по Берлину. Готовилась и война с Тур-

цией за выход к Черному морю. Для этого Елизавета основала крепость св. Димитрия Ростовского (ныне Ростов-на-Дону).

Смерть государыни 25 декабря 1761 года скопала многие планы. На престол взошел уроженец Гольштейна Петр III. Он прожил в России два десятилетия, но проявил себя абсолютным слабаком, а новую родину уважать так и не научился. Боготворил прусские порядки, битого Фридриха считал идеалом. Петр III одним махом перечеркнул все плоды побед. Заключил с пруссаками не только мир, но и союз, вознамерился воевать за Фридриха. Сенату повелел принять прусский кодекс законов. Православную веру задумал реформировать, сделать из нее некое подобие лютеранства...

Это стало серьезнейшим национальным оскорблением, стоившим Петру III престола и жизни. Причем патриоты сплотились на сей раз вокруг урожденной немки. Желая императора звали Софией Фредерикой Августой, в православном крещении получившей имя Екатерина. Она была умной и энергич-

ной. А кроме того, в отличие от мужа, сумела стать русской по духу. Целиком связала себя с Россией. Некоторые советники в свое время предлагали Елизавете лишить Петра III наследства, передать корону внуку — Павлу — при регентстве матери, Екатерины. Государыня не решилась на такой шаг...

Петр III не любил супругу. Став императором, открыто появлялся с любовницей, Елизаветой Воронцовой, и заявлял, что намерен заточить жену в монастырь. В июне 1762-го офицеры подняли на мятеж гвардию. На сторону Екатерины сразу перешел весь Петербург. Петр III беспомощно метался между Ораниенбаумом и Петергофом. Он оказался не способен ни сопротивляться, ни даже бежать за границу. Подписал отречение. Через несколько дней военные, охранявшие Петра, убили его.

Участие Екатерины в убийстве мужа (или даже ее одобрение этой расправы) опровергается документами. На нее вообще вылиты чересчур много грязи. В данном направлении крепко постарались западные авторы. Уже больше

двух столетий о ней распространяют псевдоисторические сплетни, сочиняют омерзительные романы, снимают похабные фильмы. Если же рассматривать объективные факты, то открывается парадоксальная картина: главная причина массированного оплевывания — вовсе не скандальное поведение императрицы, но колоссальные успехи России во времена ее правления.

У государыни действительно были фавориты. Кстати, в XVIII веке нравы были довольно «легкими». На внебрачные связи не смотрели строго — тем более, если оные касались вдовы. Так что изображать из Екатерины распутницу нет никаких оснований. Что ж, она любила, ей отвечали взаимностью... Имеет смысл обратить внимание и на другой аспект. Какие фавориты привлекали ее? Орлов, Потемкин... Это были не просто любвеобильные кавалеры, а выдающиеся государственные деятели! Каждый из них являлся крупной исторической фигурой, внес весомый вклад в величие нашей страны.

У императрицы был особый дар — замечать способных людей. Именно при ней особо проявили себя Румянцев, Суворов, Ушаков, Кутузов, Платов, Державин, Фонвизин и многие другие. Их оценивали по достоинству, выдвигали. А Россия при Екатерине, по сути, реализовывала потенциал, накопленный в спокойные десятилетия царствования Елизаветы. Видимо, и сама императрица кое-чему научилась у предшественницы.

Рожденная в лютеранской среде, она стала настоящей православной. Возводила красивые храмы. Возобновила традицию регулярных поездок на богомолье. В простом сарафане и платке выходила из кареты, пешком шагала из Москвы в Троице-Сергиеву лавру.

В Петербурге и его окрестностях достраивались великолепные дворцы, заложенные при Елизавете. Это было не данью роскоши, но утверждением престижа державы.

Продолжалось развитие системы образования. Екатерина учредила по всей стране сеть малых и главных народных училищ — в них совместно обучались мальчики и девочки. Совершенствовалось и здравоохранение. Императрица самоотверженно подала пример подданным, первая вызвалась на прививку оспы вместе с сыном. По тем временам это был подвиг — ведь оспа нередко приводила к летальному исходу.

Просвещение и наука вовсе не отождествлялись с вольнодумством. Ереси и разрушительные учения Екатерина преследовала куда более строго, нежели Елизавета.

Ну а во внешней политике императрице довелось завершать начинания не только своей предшественницы, но и Петра I. И даже царя Алексея Михайловича, боровшегося за воссоединение Украины с Россией. С боевым кличем «Виват, Екатерина!» наши армии в двух

войнах блестяще разгромили Турцию. Присоединили Приазовье, Крым, Новороссию. По указу государыни запорожские казаки стали заселять Кубань.

Екатерина потребовала прекратить притеснения православных в Польше. Паны воспротивились, взяли за оружие. Их поддержала Франция и другие западные державы. Но наглость и самонадеянность были наказаны. Поляков сокрушили. С запозданием в полтора столетия с Россией воссоединились Правобережная Украина, Белоруссия, добавилась Литва. Под протекторат Екатерины выразили желание перейти Молдавия, Грузия. Русская армия вступила в Закавказье, заняла Дербент и Баку...

Таких успехов не добился ни один из российских императоров. Именно за это Екатерину чрезвычайно высоко чттили в стране, прозвали Великой. Лишь двое в нашей истории получили подобную приставку к имени — Петр I и она. И именно за это ее возненавидели на Западе. Настолько, что до сих пор силятся замарать клеветой ее память.

С. ТОРВАЛДИ. «АЛЛЕГОРИЯ НА ПОБЕДУ ЕКАТЕРИНЫ II НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ», 1772

Эпоха просвещения

Екатерина немалая

Андрей Самохин

Санкт-Петербургский научный центр РАН

«Малая» — так княгиню Дашкову прозвали современники, обыгрывая титул ее венценосной тезки, которой юная заговорщица когда-то помогла взойти на трон. Сама Дашкова отнюдь не считала себя малой. И объективно не была таковой, даже с поправкой на амбиции и сложный характер. Одно ее многолетнее — и чрезвычайно успешное — руководство Петербургской академией наук, а вместе с тем и основание Российской академии, положившее начало отечественной филологии, призваны навсегда сохранить имя этой замечательной женщины для благодарных потомков.

ЕСЛИ рисовать ее «динамический портрет», то сначала следует расписать колыхающиеся декорации блистательного осмнадцатого века: виктории и перевороты, мощь классических колонн, золоченые кареты с гайдуками, клавикорды в гулкой зале; свежий, еще не разрезанный черепаховым ножом том Монтеня и дикий лик Емельки Пугачева в звериной клетке.

А вот на этом фоне и сама Екатерина Малая: в мундире лейтенанта Преображенского полка, в треуголке и с обнаженной шпагой. Вместе с будущей императрицей вся Русь «делает революцию». Здесь она же в пышном платье статс-дамы с орденской лентой. А тут — уже в практичном дорожном плаще европейской путешественницы, в академической накидке в храме наук. А еще — в опале, забвении: в новгородской глуши, в мужском пальто и подобии старушечьего чепца. Но неизменно с орденом святой Екатерины на груди — в знак памяти о славном дне 28 июня 1762 года.

О том дне обер-камергер Иван Иванович Шувалов в письме Вольтеру, имея в виду именно Екатерину Романовну Дашкову, написал: «Женщина девятнадцати лет сменила в этой империи власть». Примерно так же думала и неосторожно говорила какое-то время и сама юная княгиня.

Конечно, это было преувеличением. Будущая русская царица ко времени союза с Дашковой уже заручилась поддержкой гвардии, подготовив план свержения не-задачливого мужа. Но и сводить роль Екатерины Малой к декоративно-сентиментальной фразе: «Две Екатерины обнялись и поклялись, облив друг друга слезами» — не стоит. Умная и расчетливая супруга Петра III понимала: для нее как «недавней немки» станет вовсе не лишней поддержка княгини из старинного русского рода со связями при дворе и в гвардии. К тому же будущая царица, ценившая ум и способности других людей, не могла не заметить оных в восторженной и очарованной ею девушке. А также то, что эта девушка реально рисковала ради нее головой.

«...Я была поглощена выработкой своего плана и чтением всех книг, трактовавших о революциях в различных частях света...» — сообщала княгиня Дашкова в своих знаменитых «Записках» («Mon histoire»).

Позже в отношениях двух Екатерины не раз пробегал холод отчуждения. Порой так, что императрица уже как бы оправдывалась перед современниками за свое благоволение к княгине: «Правда, она очень умна, но ум ее испорчен чудовищным тщеславием и сварливым характером...»

Гаврила Романович Державин, обласканный Дашковой, как никто другой, называл ее характер «вспыльчивым или, лучше, сумасшедшим» и позволял себе прозрачные стихотворные насмешки над ее «мужеподобной» внешностью.

Как бы то ни было, Екатерина Дашкова первой из русских женщин без короны и других атрибутов царского рода (Марфа-посадница — не в счет) стала политиком, писателем, просветителем, государственным управленцем. И

Е. Дашкова

выполняла она все эти функции, особенно две последние, весьма недурно!

«Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно на выворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в уче-

Дашкова первой из русских женщин без атрибутов царского рода стала политиком, писателем, просветителем, государственным управленцем

ных учреждениях, заведывают государственной администрацией и высшею политикой. Здешной стране недостает одной только вещи, а этим татарским красоткам — одного лишь преимущества, именно: чтобы оне командовали вой-

сками!», — писал небезызвестный Джованни Джакомо Казанова, побывавший в 1765–1766 годах в России и повстречавшийся с Дашковой.

Княгиня не была красавицей. Зато со временем овладела талантом «правильного» общения, говоря именно то и тем языком, какие требовались в диалогах с Ломоносовым, князем Потемкиным, Дидро, Вольтером, австрийским императором Иосифом II, чтобы привлечь их симпатии не только лично к себе, но и к своим проектам, в целом к России. Она даже научилась правильно общаться с Екатериной Великой, превозмогая давние обиды, связанные с первыми годами ее правления, с отвратительным для Дашковой «Алешкой Орловым». В конце жизни смогла торжественно примириться и с ним, когда тот уже слыл легендарным графом Орловым-Чесменским.

Екатерина Дашкова, урожденная Воронцова, появилась на свет 17 марта (ст. ст.) 1743 года в Петербурге. Стала крестницей императрицы Елизаветы Петровны и будущего императора Петра Федоровича, в свержении которого позже активно поучаствовала (однако его убийством была искренне возмущена). Княжна воспитывалась в семье дяди, графа М.И. Воронцова, дипломата, покровителя Ломоносова. Отличное знание иностранных языков и плохое — русского, прочитанные в отрочестве Монтескье, Буало, Гельвеций, Вольтер, интерес ко многому, кроме балов и светской болтовни, нежелание румяниться и белиться, ранняя привычка к «умственной» иронии — таковы были истоки ее характера.

Будучи весьма честолюбивой особой, но при этом с довольно строгими принципами, княгиня была фраппирована атмосферой, воцарившейся при дворе новой

ФОТО: PHOTOPRESS

Санкт-Петербургский научный центр РАН.
Мозаика работы М. Ломоносова
«Полтавская баталия»

ет себе нескромную свободу языка, доходящую до угроз».

Когда же супруг скоропостижно скончался, оставив княгине малолетних детей и огромные долги, Екатерину Малую от горя разбил частичный паралич.

Едва оправившись от болезни, она уехала в свою деревню, а потом получила высочайшее разрешение на длительное путешествие за границу. Побывав в доброй половине европейских столиц, была с почетом принята при королевских дворах, общалась с известными учеными и писателями, особенно тесно — с Дидро и Вольтером, а также с Робертсоном и Адамом Смитом. Долго жила в Шотландии, где обучался ее сын.

В разлуке отношения двух Екаторин заметно потеплели. По приезде княгиня более десятилетия продержалась при дворе в качестве статс-дамы. И не просто продержалась!

В 1783-м Екатерина II назначила ее директором Петербургской академии наук, которую последняя возглавляла до 1794-го. В том же году императрица одобрила идею Дашковой основать Российскую академию — первое филологическое научное учреждение в империи. Возглавив две академии, Екатерина Романовна ни разу не попыталась «управлять наукой», указывать академикам, что им делать. Зато оказалась эффективным менеджером, упорядочив академические финансы, построив дома для ученых. А также прекрасным просветителем, наладившим выпуск научных трудов и периодики, открывшим общедоступные курсы по математике, физике, минералогии, естественной истории.

При содействии Дашковой издавались собрания сочинений Ломоносова, труды С.П. Крашениникова по Камчатке, переводились

Здание Кунсткамеры в Санкт-Петербурге

Екатерина Романовна ни разу не попыталась «управлять наукой», указывать академикам, что им делать. Зато оказалась эффективным менеджером, упорядочив академические финансы, построив дома для ученых. А также прекрасным просветителем, наладившим выпуск научных трудов и периодики, открывшим общедоступные курсы по математике, физике, минералогии, естественной истории.

императрицы. Особенно тем, что ее муж-красавец, гвардеец, князь Михаил Дашков вполне «вписался» в антураж непритязательных придворных игр. Уязвленная всем этим, Екатерина Дашкова позволяла себе резкие высказывания не только о фаворитах императрицы, но и о ней самой.

Только что родив сына, еще лежа в постели, Дашкова получила от мужа записку, переданную государыней: «Я искренне желала бы не предавать забвению услуг княгини, и мне очень прискорбно ее неосторожное поведение. Напомните ей об этом, князь, так как она позволя-

лучшие научные трактаты из Европы. Как бы наверстывая упущенные в детстве богатства русской словесности, княгиня стала инициатором издания «Словаря Академии Российской». Он был призван, в частности, выделить и защитить ядро русского языка, подвергшегося в XVIII веке мощной лексической интервенции с Запада. Президент академии, наравне со всеми лучшими словесниками собирала слова на определенные буквы, используя прежние издания и живой говор.

Как директор Академии наук Дашкова курировала журнал «Новые ежемесячные сочинения», печатавшего статьи по географии, истории, языкознанию.

Ее неподдельное рвение в деле распространения академических изданий вошло в анекдоты. К примеру, княгиня как-то прислала графу Разумовскому диплом академика, а следом — целую тележку переводных книг, присовокупив счет на 600 рублей. Граф книги взять не восхотел, сообщив, что у него, мол, имеются оригиналы данных переводов. Тогда Дашкова поставила ему ультиматум: членство в академии подразумевает не что иное, как покупку книг. Скуповатый Разумовский отослал диплом обратно.

Княгиня с энтузиазмом руководила журналом «Собеседник любителей русского слова», в котором печатались Державин, Фонвизин, Княжнин, Капнист, а кроме того, сама Дашкова под псевдонимом «Благородная россиянка», а также императрица под аббревиатурой «И.Е.В.»

Было и третье знаменитое дашковское издание: «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений», которое в итоге навлекло на нее монарший гнев и опалу. Если собственная комедия княгини («Тоисиоков, или Человек бесхарактерный»), в которой Дашкова высмеивала придворных Екатерины II, не спровоцировала большого скандала, то трагедия Якова

Оттиск типографии Академии наук. 1895

Княжнина «Вадим Новгородский» на фоне разгоревшейся французской революции показалась царице откровенно якобинской, вызвала полицейское дознание и публичное сожжение тиража. Екатерина Малая вновь попала под «просвещенный каток» августейшей тезки, хотя уж чем-чем, а якобинством точно никогда не страдала.

Впрочем, настоящая опала пришла к Дашковой сразу после ужасной вести о смерти Екатерины Великой. Возшедший на трон Павел I отстранил княгиню от всех должностей и приказал устами московского генерал-губернатора Измайлова «ехать в деревню и припомнить там 1762 год». Не удовлетворившись ссылкой «заговорщицы» в Подмоскovie, император приказал ей уехать дальше — в имение ее сына в новгородскую глубинку.

Вскоре императора сменил следующий. Дашкову вернули в столицу, предложили ей вновь возглавить академию. Но желания и сил у Екатерины Романовны на это уже не оставалось.

Она еще блеснула на коронации Александра I как первая статс-дама, однако затем удалась от дво-

ра, живя попеременно в двух столицах. Более — в Москве. А потом и в своей подмосковной деревне. Писала в литературные журналы, диктовала воспоминания.

С детьми не заладилось: сын некогда оскорбил ее родовую гордость женитьбой на дочери богатого откупщика, дочь бесконечно изматывала скандалами и долгами. Дошло до того, что в конце жизни княгиня хотела завещать все имение не дочери, а своей английской подруге мисс Кэтрин Вильмот. Та долго жила в дашковском имении, но, утомленная гипертрофированной дружбой русской аристократки, однажды ночью бежала на родину — в Англию. В своих воспоминаниях о Дашковой англичанка подчеркнула для нас любопытные особенности характера княгини. «Она помогает каменщикам возводить стены, сама проводит дороги и кормит коров, сочиняет музыкальные пьесы, пишет статьи для печати и громко поправляет священника в церкви, если тот отступает от правил, а в театре прерывает актеров и учит и их, как надобно выполнять роли».

Занятно, что важные сановники никогда не осмеливались садиться в присутствии престарелой княгини — в странном чепце и платке, но с умным пронзительным взглядом. Ведь она была живым воплощением блистательной русской эпохи.

Умерла княгиня Дашкова в 1810 году в Москве, была отпета и похоронена в церкви села Троицкое под Тарусой.

Александр Герцен сказал о ней: «Дашковой русская женская личность, разбуженная Петровским разгромом, выходит из своего затворничества, <...> требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России и смело становится рядом с Екатериной».

Впрочем, лондонский затворник вообще любил, когда кого-то будили. Однако справедливости приведенного наблюдения данный факт не умаляет.

Датчанка, русская душою

Юлия Кудрина

Глава «Могучей кучки» Балакирев некогда посвятил ей величественную кантату, Чайковский — двенадцать превосходных романсов. Среди них: «Я тебе ничего не скажу», «О, если б знали вы», «Ночи безумные». Свои произведения ей адресовали Тютчев, Майков и многие другие стихотворцы. Одним из первых на ее пребывание в России откликнулся князь Николай Мещерский, написавший 19 апреля (все даты по старому стилю) 1865 года: «С тобою смерть нас породнила. И пред страдальческим одром вся Русь тебя усыновила в благословении немом. Ты сердцу русскому открылась любвеобильною душой, когда, рыдая, ты стремилась туда, к нему, в час роковой. Ты наша. Будь благословенна! Тебя Россия поняла. Тебя коленопреклоненно в молитвах Русской нарекла».

УПОМИНАЯ смерть, «породнившую» датскую принцессу Дагмар с Российским императорским домом, Мещерский имел в виду скоропостижную кончину ее первого жениха, старшего сына Александра II великого князя Николая Александровича. Бесхитростное, наполненное искренней патетикой стихотворение оказалось, увы, даже слишком пророческим.

В 1881-м на ее глазах в Зимнем дворце скончался тесть, российский государь, погибший в результате теракта. Жертвой террора стал в 1905 году брат Александра III Сергей Алексан-

дрович. В 1913-м убили ее родного брата, принца Вильгельма, греческого короля Георга I. Крушение в 1917-м Российского императорского дома завершилось чудовищной расправой над Николаем II и всей его семьей, а также над младшим сыном Марии Федоровны Михаилом. Страшные трагедии едва ли не сплошным потоком шли через всю ее жизнь в России...

Юная принцесса небольшого европейского государства Дагмар превратилась в русскую императрицу Марию Федоровну не только благодаря смене титула. Она жила верой в Божественный Промысел, пользовалась огромным уважением и любовью подданных, глубоко впитала русскость своего мужа и с годами все более усваивала искони присущий стране русский дух, привычки и обычаи, становилась человеком православного мироощущения. Накануне отъезда из Дании в Россию она написала императору Александру II: «Я прошу Господа, чтобы он всегда был рядом при исполнении моих обязанностей перед моей новой Родиной, которую я уже нежно люблю».

Высокое религиозное чувство стало неотъемлемым свойством ее натуры, а Россия — хоть и второй, однако бесконечно дорогой для нее родиной. «Можно более чем гордиться от сознания, что принадлежишь к такому великому и прекрасному народу», — наставляла она много лет спустя в письме сына Георгия (рано ушедшего из жизни).

С. ЛЕВИЦКИЙ. СЕМЬЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. 1888

Брак Марии Федоровны и Александра Александровича был на редкость удачным и счастливым. У них родилось шестеро детей: Николай (1868), Александр (1869; умер во младенчестве), Георгий (1871), Ксения (1875), Михаил (1878), Ольга (1882).

С дорогой Минни, как называли в семье Марию Федоровну, супруг был практически неразлучен. Она сопровождала его на балах и раутах, выездах в театр и на концерты, в поездках по святым местам, на охоте и даже во время военных парадов. Когда разлука становилась неизбежной, Александр Александрович сильно тосковал и ежедневно (часто даже по ночам) писал жене подробнейшие письма.

«Моя милая душка Минни, в первый раз, что приходится писать тебе письмо в самый новый год, я хочу обнять тебя только мысленно и послать от всей души нам обоим наше старое милое, дорогое счастье; нового не нужно, а сохрани Господи нам то счастье, которым уже, благодаря твоей великой милости, пользуемся более 11 лет. Вот что я желаю тебе и себе от души и уверен, что и ты большего счастья не желаешь. Потому что его нет и не нужно», — сообщал однажды цесаревич с театра русско-турецкой войны.

Эта образцовая семейная жизнь высоко ценилась современниками. Тургенев, познакомившийся с августейшей парой в Париже в 1879 году, заметил: «...Они образовали супружество примерное и удивительное по согласию и постоянству привязанности».

В этой оценке был полностью солидарен с великим писателем известный художник Александр Бенуа, неоднократно встречавшийся с августейшей парой в последние годы их царствования: «Отношения супругов между собой, их взаимное внимание... не содержало в себе ничего царственного. Для всех было очевидно, что оба все еще полны тех же нежных чувств, которыми они возгорелись четверть века назад».

Душевное благородство, скромность и простота — главные черты, которые отличали императора и императрицу. Обстановка в царской семье была неизменно спокойной и дружелюбной. Во всем чувствовался размеренный порядок, олицетворением которого была прежде всего Мария Федоровна. Детей воспитывали в строгости, уважении к старшим.

Тринадцатилетнее царствование было чрезвычайно благотворным периодом в развитии страны и особенно русской культуры. По словам Бенуа, «оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись еще при Александре III, продолжился затем в течение всего царствования Николая II».

С первых дней пребывания в России цесаревна интересовалась ее культурой, литературой, музыкой, изобразительным искусством. Мария Федоровна и Александр Александрович были художественно одаренными людьми, что также укрепляло их брачный союз. Супруги вместе рисовали, покрывали картины

ДОМ РОМАНОВЫХ

лаком и уже в молодые годы коллекционировали полотна русских и западноевропейских мастеров. С 80-х годов императорская чета регулярно посещала выставки Товарищества передвижников. Царь и царица собрали большую коллекцию живописи, в которой были произведения Репина, Сурикова, Поленова, Крамского, Васнецова, Нестерова, Верещагина... Эти картины украсили Русский музей Александра III, открытие коего состоялось уже после смерти императора. Упомянутая коллекция, собранная к 1894 году, включала в себя 900 полотен. 580 — произведения русских живописцев, около 320 — художников Западной Европы. Мощную поддержку со стороны престола (как мы уже рассказывали в предыдущих номерах журнала «Свой») ощущали и русские писатели, в том числе великий Достоевский.

Безвременная кончина дорогого супруга в возрасте 49 лет стала для императрицы тяжелейшим ударом. В письме матери она признавалась: «...28 счастливых лет, за которые я благодарю нашего Господа и моего больше всего на свете любимого Сашу». Императрица долго носила траур по покойному. Нормы христианского поведения — смирение и терпение были главными для нее на протяжении всей жизни. Те же качества она стремилась воспитывать в детях, а позже — внуках.

Заметный след в истории Отечества оставила общественная деятельность Марии Федоровны. В течение более чем полувека пребывания в России она возглавляла Российское общество Красного Креста (РОКК) и Ведомство учреждений императрицы Марии, в ведении которого находились учебные заведения, воспитательные

дома, приюты для обездоленных и незащищенных детей, богадельни. Большие средства на их содержание вкладывала царская семья. Благотворительные учреждения создавались практически во всех крупных городах. По инициативе императрицы в 1882 году возникли Мариинские женские училища для девушек-горожанок. Она попечительствовала также Женскому патриотическому обществу, Обществу спасения на водах, Обществу покровительства животным и другим подобным организациям.

Мария Федоровна была шефом полков, в том числе кавалергардского и кирасирского, Гвардейского экипажа, постоянно оказывала им поддержку.

Особенно много по созданию условий для эффективной работы

РОКК было сделано в годы Русско-японской и Первой мировой войн. Под началом Марии Федоровны все женщины императорского дома участвовали в организации лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов, приютов и мастерских для увечных воинов и т.д.

Сильный характер, ум, чувство долга, глубокая религиозность, непоколебимая уверенность, что «на все воля Божья», позволили Марии Федоровне не только не согнуться под ударами судьбы, но и остаться в памяти современников «Императрицей с головы до ног». Один из известных аристократов того времени справедливо отметил: «Не смотря на маленький рост, в ее манерах было столько величия, что там, куда она входила, не было видно никого, кроме нее». Ему же принадлежит замечание: «По своему уму и политическому чутью Мария Федоровна играла заметную роль в делах империи».

Схожие оценки высказывали и другие видные государственные деятели. Например, в своих «Воспоминаниях» граф С.Ю.

Дочь Николая II Татьяна (в центре) среди раненых. 1914

Витте выделял два основных качества Марии Федоровны — ум и дипломатические способности.

Первая мировая застала ее в Европе. По возвращении в Россию некоторое время жила в Елагинском дворце, откуда писала родственникам письма, полные боли и страдания: «Я посещаю госпитали так часто, как только могу. Это единственное мое утешение. Все наши дорогие раненые возвышают нашу душу: какое терпение, какая скромность и какой великолепный подъем духа! Я ими люблюсь от души и хотела бы стать на колени перед каждым из них...».

Известие об отречении Николая II 2 марта 1917 года потрясло. Прибыв в Ставку, Мария Федоровна встретила с ним в последний раз. «Он был настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым с огромным достоинством и неслышанным спокойствием... Только дважды, когда мы были одни, он не выдержал, и я одна только знаю, как он страдал и какое отчаяние было в его душе. Он принес жертву во имя спасения своей страны... Это единственное, что он мог сделать, и он сделал это!» — писала она греческой королеве Ольге.

В марте 1917-го вдовствующая императрица с дочерьми Ксенией и Ольгой, а также их мужьями, великим князем Александром Михайловичем и полковником Н.А. Куликовским переехала в Крым. Пребывание там в течение двух лет стало для нее, по сути, домашним арестом, полным постоянных лишений и унижений. Видя, сколько горя принесли России революционные события, в своем дневнике восклицала: «Только бы остановить эту жуткую гражданскую войну. Она самая большая из всех зол».

В течение долгого времени Мария Федоровна продолжала верить, что Николай II и его семья чудесно спасены. Запретила служить панихиду по ним...

В апреле 1919-го пришлось покинуть Россию. «Сейчас я испы-

Мария Федоровна с английской королевой Александрой в Лондоне. 1923

Пройдя через горнило испытаний, потеряв в огне революции двух сыновей и пятерых внуков, оказавшись за пределами России, она не утратила любви к нашему народу

тываю тяжелые, но к тому же еще и горькие чувства из-за того, что мне таким вот образом приходится уезжать отсюда по воле злых людей! Все это так возмущает меня, ведь я прожила здесь 51 год и любила и страну, и народ. Жаль! Но раз уж Господь допустил такое, мне остается только склониться перед Его волей и постараться со всей кротостью примириться с этим».

Крайне тяжело было присутствовать 19 июля 1919-го на «Параде мира» в Англии. Находясь рядом со своей сестрой английской королевой Александрой у Букингемского дворца, Мария Федоровна не смогла сдержать слезы: «Парадное шествие начали американцы с генералом Першингом, все союзные войска, исключая победоносцев!» О вкладе России в победу никто из иностранцев, разумеется, не говорил.

1 августа того же года после посещения греческой церкви в Лондоне, где состоялась панихида по всем павшим на войне, она написала в дневнике: «С какой страшной горечью и печалью я думаю об отдавших в эти четыре года войны свои жизни за Отечество. Теперь этот факт совершенно игнорируют и не придают этому никакого значения. России больше не существует...»

Мария Федоровна умерла 13 октября 1928 года. Была похоронена в Кафедральном соборе датского города Роскилле, где ее прах покоился около 70 лет. 28 сентября 2006 года его торжественно перевезли в Россию, в Петропавловский собор, где погребли рядом с могилой мужа — императора Александра III. Во время панихиды в Исаакиевском соборе Святейший патриарх Алексий II сказал: «Горячо полюбивший для нее единоверным православный русский народ, императрица Мария Федоровна много сил положила для блага нашего Отечества... Пройдя через горнило испытаний, потеряв в огне революции двух сыновей и пятерых внуков, оказавшись за пределами России, она не утратила любви к нашему народу. Крепкое упование на Бога и верность высшим нравственным идеалам вселили в нее надежду на лучшее будущее для нашего Отечества».

Страсти по Саломе

Алексей Коленский

12 февраля 1861 года в доме на Дворцовой площади Санкт-Петербурга родилась девочка, которой была суждена удивительная судьба. Собеседница Тургенева и Толстого, Ибсена и Гамсуна, Шницлера и Гофмансталя, она стала живой иконой Европы — прообразом ницшевского Заратустры, Пигмалионом для Райнера Марии Рильке, Галатеей для Зигмунда Фрейда, роковой сердцедакой Лулу, вдохновившей Франка Ведекинда на пьесу «Ящик Пандоры». Белокурая дама с тигриным взором, звезда литературных салонов Лу Андреас Саломе.

Идиллия

Луиза была последним, шестым ребенком почтенной четы балтийских немцев — 57-летнего инспектора русской армии, генерала, действительного тайного советника Густава фон Саломе и 38-летней Луизы (в девичестве — Вильм), наследницы владельцев «сахарной империи».

Жили на широкую ногу: балы, пикники, семейные праздники... Все проносилось мимо Лели. Единственная девочка в семье, она долго не верила, что отражение в зеркале принадлежит именно ей. Гуляя в Летнем саду, шепталась с цветами. Распахнутый мир был духовным продолжением внутреннего — гораздо ближе, чем «человеческое, слишком человеческое». Как-то, вернувшись с прогулки, на вопрос мамы: «Что ты видела?» — чудачка начала удивительный рассказ... Прерванный возмущенным писком подруги: «Но ты же лжешь!» Наказанная Леля запомнила, что взрослым не следует говорить больше, чем они способны услышать. Это был день рождения души. Все, что испытала, узнала или о чем догадалась, Луиза начала пересказывать Богу в вечерних молитвах, начинавшихся со слов: «Как Тебе известно...»

Духовная идиллия длилась до шести лет. Однажды малышка поинтересовалась у Создателя: «А что Ты об этом думаешь?» И удивилась, не услышав ответа. «Наверное, Бог ушел по делам», — решила Леля, ни капли не огорчившись: Он не мог уйти далеко... Так родилось религиозное «чувство, которое уже никогда не исчезало — чувство беспредельной солидарности со всем сущим».

Бунт

В доме говорили по-французски и по-немецки. При этом папа Густав был большим патриотом России, гордился юношеской дружбой с Лермонтовым. А также — дворянством, пожалованным за усмирение польского восстания 1830 года. Он пошел навстречу дочке, категорически не желавшей посещать уроки Петершутле (немецкой гимназии): «Школьное принуждение тебе ни к чему». И оказался прав — ненасытная жажда самообразования, окрылявшая Луизу всю жизнь, определила ее судьбу.

Отец и братья обожали девочку, не могли отказать ей ни в чем. Не наказали и тогда, когда она швырнула на пол семейную икону, заявив, что не будет ходить в церковь, потому что Бога нет — иначе как он мог допустить смерть ее любимой кошки?

В самом деле — «как же»? Спустя пару лет это объяснил ей домашний учитель детей Александра II, голландский пастор Хендрик Гийо. Пленный красотой и непосредственностью 17-летней прихожанки, втайне от всех этот модный проповедник познакомил ее с идеями Канта, Спинозы, Кьеркегора, Шопенгауэра, подарил короткое имя «Лу» и... попросил у недавно овдовевшей госпожи Саломе руку и сердце дочери.

Обе Луизы были шокированы — Гийо был женат, воспитывал собственных дочерей немногим младше избранницы, но упорно не желал «расстаться с этим ребенком»... В общем, когда не помышлявшая о браке Луиза пожелала получить высшее образование за границей, Саломе-старшая не нашла, что возразить.

Прекрасное далеко

Поступив в Цюрихский университет, «ребенок» погружился в изучение догматики и философии. Но этого было мало — на самом деле девушку интересовало лишь самопознание, генезис религиозного чувства, ставшего сквозным мотивом ее дальнейших исследований, в том числе прославившего фон Саломе философского бестселлера «Эротика».

В 1881-м, в поисках «этого неуловимого чувства», Лу переезжает в Рим и становится звездой салона писательницы-феминистки Мальвиды фон Май-

зенбург. Статная красавица стала там «русской сенсацией». Почему? Позже ответ попробует сформулировать Фрейд. По его мнению, простодушие и ясность ума сочетались в ней с даром моментально схватывать и подробно описывать самые сложные вещи.

Познакомившись у Мальвиды с философом-позитивистом Паулем Рэ, а позже — с его другом Фридрихом Ницше, Лу отвергла быстро последовавшие разговоры о браке. Предложила нечто более экстравагантное — жизнь втроем. Светский монастырь, основанный во имя «Идеальной дружбы» и имевший в уставе единственный обет: вето на сексуальную близость.

Сказано — сделано. К великому огорчению фон Майзенбург, мечтавшей подыскать Фридриху достойную партию и превратить Лу в икону эмансипации, трио обосновалось в Париже.

Ницше переживал трудные времена. Оставив кафедру из-за приступов невыносимых головных болей, сочинял афоризмы, сверхусилием воли собранные в букет «Веселой науки». Неразговорчивый, сторонившийся людей мыслитель встретил то, о чем и не мечтал, чуткого друга, который во-

Ф. Ницше

Р. Рильке

площад при этом «чудесный, искушающий, губительный идеал». Ту единственную и невероятно опасную игрушку для настоящего мужчины. Ариадну, заставляющую забыть о выходе из лабиринта собственного «я».

Заратустра

Работа в «монастыре» спорилась: Фридрих, Пауль и Лу много писали, обсуждали, спорили, путешествовали. Саломе порой сочиняла вызывавшие восторг афоризмы, но повестку дня задавал Ницше. «Я никогда не забуду тех часов, когда он открывал мне свои мысли; он поверял мне их, как если бы это была тайна, в которой невыразимо трудно сознаться, он говорил вполголоса с выражением глубокого ужаса на лице. И в самом деле, жизнь для него была сплошным страданием: убеждение в ужасной достоверности «вечного возвращения» доставляло ему неизъяснимые мучения», — сообщила Лу, посвятившая своему ментору лаконичный гимн «Молитва жизни», к которому адресат немедленно дописал партитуру. Лу не осталась в долгу: общение с ней вдохновило главный философский роман XX века.

Много позже Саломе сформулирует кредо друга в эссе «Фридрих Ницше в зеркале его творчества»: «Перемены воззрений, склонность к метаморфозам лежат в самой глубине философии Ницше и как бы

образуют лейтмотив его системы познания. «Мы бы не дали себя сжечь за свои убеждения, — сказано в «Страннике и его тени», — мы не настолько уверены в них. Но, быть может, мы пошли бы на костер за свободу иметь мнения и иметь право менять их».

Именно эта свобода им и не давалась. Лу писала о Фридрихе: «Однажды он сказал мне с изумлением: «Я думаю, единственная разница между нами — в возрасте». Только потому, что мы такие одинаковые, он так бурно реагирует на различия между нами — или на то, что кажется ему различиями. Вот почему он выглядит таким расстроенным. Если два человека такие разные, как ты и я, — они довольны уже тем, что нашли точку соприкосновения. Но когда они такие одинаковые, как Ницше и я, они страдают от своих различий».

В 1884 году по инициативе Лу они расстались. Итогом их драматического разрыва станет «Так говорил Заратустра». Рэ, также получив отставку, подается из позитивистов в доктора. Через пять лет Фридрих сойдет с ума, до последних дней проклиная коварную русскую дьяволицу. Пауль, ставший врачом для бедных, погибнет, сорвавшись со скалы в начале нового века, и в этом «самоубийстве» молва обвинит Лу.

Неравный брак и новый друг

Неожиданно в 26 лет Лу вышла замуж за 41-летнего профессора Берлинского университета Фридриха Карла Андреаса — чудака-лингвиста германо-армяно-малайских кровей. В брачном договоре неизменный пункт: «по sex». Целомудренный союз, несмотря на абсолютную откровенность сторон и неоднократные попытки самоубийства супруга, продлится до его смерти.

Нимало не тяготясь «узлами брака», Лу много путешествовала, прославилась как литератор — издала книги исследований творчества Ницше и Ибсена, автобиографический роман «Рут».

Лишь в 30 лет Лу познала физическую сторону любви — в объятиях немецкого политика, марксиста Георга Ледебура. Короткая связь не стала для нее откровением, подкарауливающим за углом.

«...Ищу я ту, которая раскачает колокола и невидимые веревки возьмет в свои руки», — писал начинающий поэт Рене Рильке в апреле 1897 года — за месяц до встречи с Саломе. Получив на следующий день после знакомства письмо, Лу с удивлением узнает почерк автора анонимных стихов, вот уже месяц как приходивших на ее адрес. Теперь влюбленный юноша атаковал откровенными лирическими излияниями: «Моя весна, я хочу видеть мир через Тебя, потому что тогда я буду видеть не мир, а Тебя, Тебя, Тебя!»

И пока ни капли не веря в то, что их автор — гений, она не устояла перед напором рвавшихся из души строк.

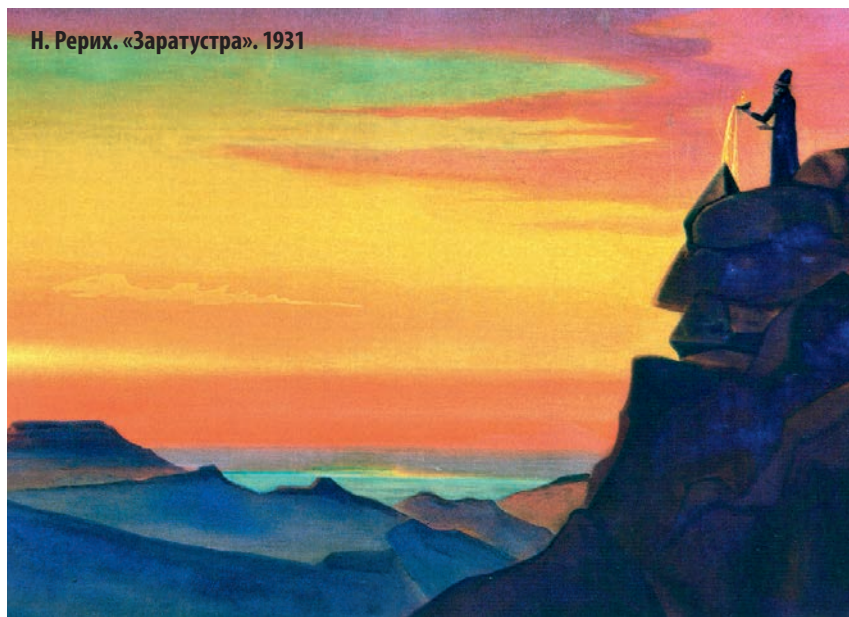
Россия

Рильке прекрасно понимал, что еще не обрел собственный голос. Свою творческую задачу он видел в модернистском свете — как непосредственный перенос бытия в поэзию — целиком, без зазоров, в бесконечном акте теплообмена. Дабы увидеть вещи в свете Творца, надлежало освободить их от повседневного рабства, обустроить в поэтической речи, очищенной от эмоциональной шелухи.

Разглядев в ребячливом, страстном, застенчивом Рене дар смирения и мужественного самопожертвования, Лу «усыновила» 22-летнее дитя, не отступавшее от нее ни на шаг. В двойственном положении сына и возлюбленного таилась боль, которая была вознаграждена пробудившимся голосом. Райнер благодарно посвящал этой музе все свои стихи.

Под влиянием Лу Рильке упорно учит русский язык, зачитывается Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским. Их неудержимо тянет в Россию — к народу «развившему в себе талант абстрактного Богопознания до уровня гениальности». Чтобы оплатить путешествие, фон Саломе публикует дюжину рассказов и более двух десятков статей.

Первого июня 1900 года на перроне Курского вокзала со случайными попутчиками знакомится десятилетний Борис Пастернак — в будущем он станет одним из лучших переводчиков Рильке. Пара сходит в Ясной Поляне... Затем восхищается Киевом, путешествует по Волге. Лу, никогда не ездившая дальше Санкт-Петербурга, покорена впервые открывшимися ей просторами. Рильке навсегда останется предан этой земле, которую назовет своей Родиной: «То, что

Н. Рерих. «Заратустра». 1931

В 1884 году по инициативе Лу они с Ницше расстались. Итогом их разрыва стал знаменитый философский роман «Так говорил Заратустра»

Россия — моя отчизна, это факт, принадлежащий к той великой и тайной благодати, которая позволяет мне жить, но мои попытки добраться туда посредством путешествий, книг и людей заканчиваются ничем и являются, скорее, отступлением, а не приближением. Мои усилия — словно передвижение улитки, но, однако, случаются минуты, когда эта несказанно далекая цель повторяется во мне, будто в близком зеркале».

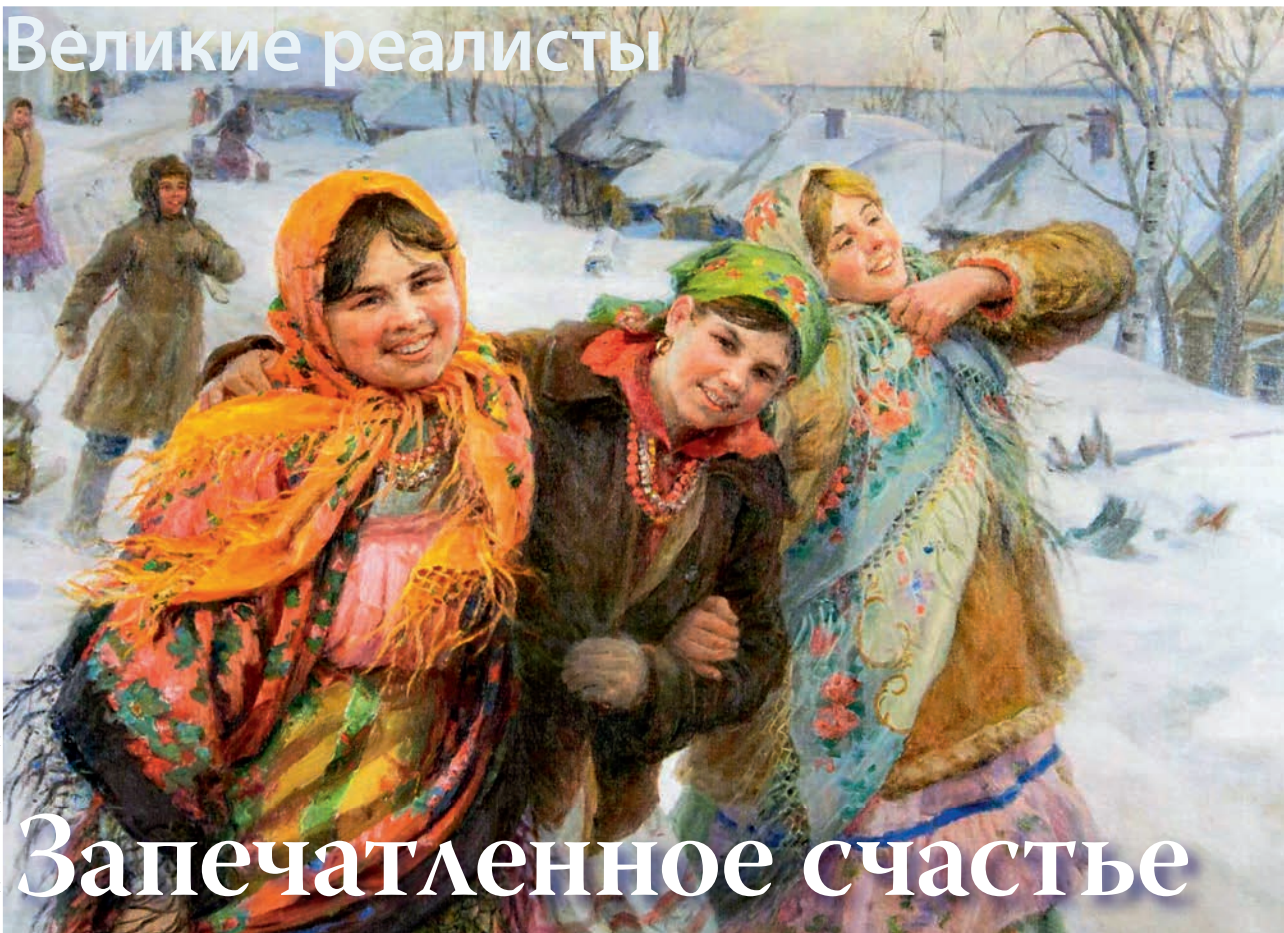
Вернувшись из путешествия, они расстанутся. Рильке переведет Лермонтова и Чехова, напишет удивительные «Рассказы о Господе Боге», прославится как величайший германоязычный поэт XX века и до последних дней будет переписываться с Саломе.

«...Мы стали супругами раньше, чем друзьями, а сдружились не по выбору, а повинувшись узам заключенного в неведомых глубинах брака. Это не две нашедшие друг друга половины, а тот случай, когда целое с трепетом узнает себя в другом целом. Нам суждено было стать братом и сестрой, но еще в те мифические времена, когда инцест не превратился в грех...» — напишет Лу Райнеру, отошедшему в иной мир в 1926 году.

Она переживет его на 10 лет, станет любимой ученицей Фрейда, опубликует более сотни психоаналитических статей. В главной из них разберется, наконец, с зеркалами, в которых не умела видеть свое лицо, обращенное к людям. Ключом к пониманию идей Саломе станет образ Нарцисса (противопоставленного Эдипу): Нарцисс смотрит не в зеркало, а в родник и, пораженный, созерцает не себя, а свое дивное единство со всей видимой природой. Ее последние слова: «Я всю жизнь только работала. Интересно, зачем?»

Возможно, затем, чтобы поверить жизнью и судьбой максимуму Тита Ливия: «Дружеские связи должны быть бессмертными, не дружеские — смертными».

Великие реалисты

«ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. ПОДРУГИ. ЗИМА», 1941

Запечатленное счастье

Ксения Воротынцева

145 лет назад, 1 марта (по старому стилю) 1870 года, родился художник Федот Сычков. Сегодня его имя известно немногим. Хотя в начале XX века он был очень популярным, востребованным живописцем. Талантливый портретист, работал на заказ, участвовал в зарубежных салонах, получал премии, медали. Но главное: создал образ настоящей русской красавицы — румяной и жизнерадостной.

САВТОПОРТРЕТОВ на нас смотрит чуть нахмурившийся, скорбно поджавший губы молодой человек. В этих работах автор словно позволил прорваться наблевшему. Федот рано узнал нужду и голод. Отец-бурлак умер, когда мальчику было 12 лет. Матери пришлось пойти с протянутой рукой. Все, на что мог рассчитывать будущий художник, — три класса земской школы в родном селе Кочелаево Пензенской губернии. Но судьба проявила благосклонность: учитель Дюмаев разглядел его талант. Стало ясно — нужно ехать в Петербург. Денег на осуществление дерзкой мечты явно не хватало.

Сычков не сдавался. Отправился на два года в Саратовскую губернию, где учился иконописи, расписывал церкви. А когда вернулся домой, получил заказ от генерала Ивана Арапова, жившего в имении неподалеку. Тот предложил создать большое полотно — «Закладка станции Арапово» (1892). Молодой человек успешно справился с заданием и поспешил в столицу — учиться в Рисовальной школе для вольноприходящих. Следующим этапом стало поступление в Высшее художественное училище при Академии художеств. Сычков,

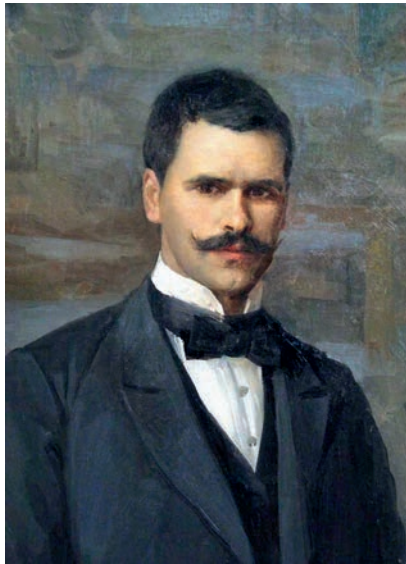

говорят, просился в мастерскую к Репину, но тот, несмотря на знакомство, устроенное Араповым, отказал: извини, мол, все занято. Посоветовал обратиться к другому педагогу — Николаю Кузнецову. Так Федот попал в «непрофильный» батальный класс. Менять мастерскую не стал. Доучился, женился на Лидии Анкудиновой, барышне из петербургской дворянской семьи. После революции вернулся в родное село, где прожил почти до самой смерти.

Много времени проводил в прогулках по сельской округе — он был хорошим пейзажистом. Казалось, мастер жил в своем мире, который не затронули художественные катаклизмы первой половины XX века. А ведь произошло немало драматичных событий: под натиском модерна сдавала привычные позиции серьезная академическая живопись; отступало фигуративное искусство, кому-то казавшееся безнадежно устаревшим по сравнению с авангардом. Расцвет плаката и фотографии, пришедшийся на 1920-е, грозил навсегда покончить с классической живописью, но внезапно наступила эра соцреализма...

Впрочем, все это прошло мимо Сычкова. Он рано выбрал близкую себе тему, связанную с красотой родного края. В первую очередь — людей, его окружавших. И хотя среди работ живописца встречаются скупые на краски пейзажи или скромные натюрморты, на первом месте все-таки изображения крестьян: женщин, детей. Яркие, красочные и невероятно оптимистичные, так сильно контрастирующие с его печальными автопортретами.

Некоторые критики наверняка сравнят селянок Сычкова с красавицами Маковского и, как следствие, назовут обоих салонными художниками. И ошибутся. Конечно, у этих портретистов есть нечто общее — в первую очередь стремление запечатлеть очевидную красоту, оставив за кадром несовершенство мира. У Маковского это портреты чернобровых аристократок в старорусских нарядах. Сычков же показал близкую ему социальную среду — русоволосых крестьянок. Его искусство действительно почвенное. Автор смотрит на все глазами народа: просто, бесхитростно. Прекрасно знает, что каждый человек не лишен недостатков. И тем не менее следует ценить в себе задатки образа Божьего. Если картины, лишенные всякого намека на декаданс, характерный для искусства начала XX века, обрадуют человека, представят жизнь в лучшем свете что ж, тогда задачу можно считать выполненной.

«Автопортрет». 1899

Вероятно, поэтому лица его крестьянок так открыты, щедрны на широкие, жизнерадостные улыбки — в отличие от «загадочной» мимики холодных красавиц Возрождения, лишь приподнимавших уголки губ, как знаменитая Джоконда.

И еще: в его картинах нет нарочитой «социальщины», свойственной многим передвижникам. Девушки у него заразительно хохочут. Причем не только на фоне сельского праздника. Все они как бы понимают, что рисующий их портретист — плоть от плоти народа. Испытывающий те же чувства, что и его героини.

Сычков не разочаровывал своих крестьянок. За свою жизнь создал более 700 полотен, несмотря на постоянно ухудшавшееся зрение. Писал девушек: в зарослях цветущих маков; лихо съезжающими с горы на санках; в избе за прялкой; на колхозном базаре с урожаем — россыпью спелых томатов. В белозубых улыбках красавиц, более свойственных, пожалуй, фотографии, нежели живописи, нет никакой натужности и фальши. Лишь молодость, радость жизни. Счастливое мгновение, оставшееся в вечности благодаря кисти Федота Васильевича Сычкова.

«У изгороди. Лето». 1931

«Я научилась просто, мудро жить»

Дарья Ефремова

Сафо, Коломбина, королева-бродяга. В дни осады Ленинграда эта декадентская богиня несла дежурство как рядовой боец противовоздушной обороны. «С лицом, замкнутым в гневной суровости, с противогазом через плечо». На долю Анны Ахматовой выпали революция, война, аресты близких, гонения... «Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных», — «оправдывала» она прошлое.

«**М**НЕ ГОЛОС БЫЛ, он звал утешно...» Первое гражданское стихотворение, а именно так его определили критики, Ахматова написала в 1917-м. «Утешный» голос принадлежал Борису Анрепу, художнику-монументалисту, офицеру царской армии. С ним Анну Андреевну связывало нечто большее, чем роман. Она была в него влюблена. А тот, как признавалась поэтесса на склоне лет, «конечно, не любил... Но все мог для меня сделать, — так вот просто...»

В резкости стихов, которыми она отвечала бывшему возлюбленному, усматривали как презрение к эмигрантам-«слабакам», так и интонации обиженной женщины. А еще — некий самоговор, оправдание решению не уезжать.

«В системе ее мироощущения, сердцестремительной... Россия занимала особое, приподнятое и трагическое место, — напишет много позже литературовед Дмитрий Бобышев. — Она молилась ради будущего страны, отдавая с античной жертвенностью самое дорогое: «И ребенка, и друга, и таинственный песенный дар»...»

Чем была та ее — обращенная к Анрепу — инвектива? Отповедью «злоствующим врагам народного дела, зазывающим в свой лагерь»? Проявлением ревности? Ни тем, ни другим. Подобно Данте, она испытывала чувство сострадания к тем, кто на чужбине («Но вечно жалок мне изгнанник»).

«В стоянии перед голгофскими страданиями видела себя Ахматова, — объясняли ее биографы, — ответ на «утешный» голос звучал, подобно словам Иисуса Христа, ответившего на разумное предложение Петра о мерах по самосохранению: «Отойди от Меня, сатана!» (Евангелие от Матфея, 16, 23)».

Восприняв революцию как суровое испытание, она не была напугана. В одном из набросков очерка о Мандельштаме вспоминала: Осип Эмильевич «заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию художеств, где проходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали...»

В 20-е она вела «тот суровый образ жизни, который пал на долю тогдашних петербуржцев». Работала в библиотеке Агрономического института — «выдавала книги и писала карточки». Жила по соседству, на Фонтанке.

Совершенно не приспособленная к быту, не умевшая просить, а тем более «доставать», просто мирилась с его тяготами. Всегда готовая поделиться тем немногим, чем располагала.

Один из ее биографов Дмитрий Хренков описывал случай, связанный с Корнеем Чуковским: «Однажды, в двадцатом году, когда в Питере жилось особенно голодно, он зашел навестить Анну Андреевну. Был долгий интересный разговор, но вот гости стали расходиться. За ними по-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми
лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942 года
Ташкент

спешил и Корней Иванович, но на лестнице его догнала Анна Андреевна. От заезжего друга ей досталась жестяная коробка со «сверхвитаминной мучкой», изготовленной английской фирмой «Нестле». «Одна маленькая чайная ложка этого густого концентрата, разведенного в кипяченой воде, представлялась нашим голодным желудкам недосыгаемо-сытным обедом. А вся жестянка казалась дорожкой бриллиантов». Вот эту-то коробку и вручила Ахматова Чуковскому на лестнице: «Это для вашей... для дочки... для Мурочки»...

Через два с лишним десятка лет, а точнее, 22 июня 1941 года, поэтесса отмечала в дневнике: «Первый день войны. Первый налет. Щели в саду — Вовка у меня на руках. Литейный вечером. Праздничная толпа. Продаются цветы (белые). По улице тянется

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Н. Гумилев и А. Ахматова с сыном. 1915

бесконечная процессия: грузовики и легковые машины. Шоферы без шапок, одеты по-летнему, рядом с каждым плачущая женщина. Это ленинградский транспорт идет обслуживать финский фронт. Увоз писательских детей. Сбор в переулке у союза. Страшные глаза неплачущих матерей».

«Она патриотка, — записал Павел Лукницкий, посетивший Анну Андреевну в августе. — И сознание, что она сейчас душой вместе с народом, видимо, очень ободряет ее».

В сентябре Ахматова выступала на радио «как истинная и отважная дочь России и Ленинграда» (Берггольц), шила мешки для песка, которыми обкладывались траншеи и убежища.

Всенародная слава вновь поступалась к ней несколько позже. «Мужество», напечатанное в «Известиях», сразу же побило все рекорды популярности. О ней перестали говорить как о декадентке, авторе женской лирики. «Не поэтесса, а поэт», — вслед за самой Анной Андреевной, женского «второсортного» суффикса не признававшей, это отметили и критики.

(Есть мнение: не просто поэт, а абсолютно лучший стихотворец своего времени. По понятным при-

чинам ни подтвердить, ни опровергнуть такое невозможно.)

«Воюющая Россия, даже новенькие девятнадцатилетние лейтенанты самого последнего советского призыва, без подсказки «младших политруков», отличили ее простые

**В эшелоне Казань —
Ташкент, среди людей
впавалку, тюков, узлов,
не отходила от окна:
«Я рада, что вижу
так много России»**

и человеческие стихи от трескучих «казенных гимнов», — вспоминала Лидия Чуковская.

В годы войны написаны самые пронзительные вещи: «Памяти Вали», «Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду», «Первый дальнобойный в Ленинграде»... Эгоцентрическое «я» сменяется «широким и счастливым «мы»: «Мы сохраним тебя, русская речь», «нам родина пристанище дала».

Она пишет не о себе. О женщине вообще. Матери, для которой все дети — родные. Первый даль-

бойный немецкий снаряд в Ленинграде «равнодушно гибель нес / Ребенку моему».

Словно к родному (и живому: «Постучись кулачком — я открою./ Я тебе открывала всегда»), обращается к погибшему под бомбами маленькому сыну соседней. Даже старинная статуя в Летнем саду, заботливо укрываемая землей, для нее — «доченька».

В ту пору ей было за 50. Она все время болела. Уже в сентябре 1941-го начались дистрофические отеки. Но ее не забыли, по ходатайству Фадеева отправили на последнем самолете в Чистополь, потом — в Ташкент.

«Сейчас получила телеграмму от Корнея Ивановича, — записала в октябре 41-го Лидия Чуковская. — Ахматова в Чистополе! Это так же невообразимо, как Адмиралтейская игла или арка Главного штаба — в Чистополе. Анна Андреевна стояла у ворот с кем-то, кого я не разглядела в темноте. Свет фонаря упал на ее лицо: оно было отчаянное. Словно она стоит посреди Невского и не может перейти. В чужой распахнутой шубе, в белом шерстяном платке; судорожно прижимает к груди узел».

В эшелоне Казань — Ташкент, среди людей впавалку, тюков, узлов, не отходила от окна: «Я рада, что вижу так много России».

Мужество не покидало Ахматову никогда. Ни в знойном, душном Ташкенте, где она узнала, что такое «древесная тень и звук воды». Ни прежде, когда обивала пороги, добиваясь освобождения сына Левушки. Ни позже, когда ее исключили из Союза писателей, назвали то ли монахиней, то ли блудницей, у которой «блуд смешан с молитвой».

«Я не переставала писать стихи, — объясняла свою невероятную стойкость. — Для меня в них — связь моя со временем; с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны».

Лидия Кологривова

СТИХОТВОРЕНИЯ

Лидия Кологривова. Стихотворения

2015. - 450 с.

Составитель Е. Тихомиров

Имя этой поэтессы, чьи стихи в свое время регулярно печатались на страницах самых известных в Российской империи газет и журналов, в советское время было начисто стерто, крепко забыто просвещенной публикой. За что такая немилость? В прежнюю эпоху особенно высоко ценились революционные поэты, призывавшие первым делом «отречься от старого мира, отряхнуть его прах с наших ног», заметно меньше — те, кто этим процессам отречения-отряхивания предпочитал не препятствовать. И уж совсем не повезло тем, чье творчество было когда-то направлено против революционных катаклизмов, пропагандировало неприятие слома вековых традиций. Именно к последней категории следует отнести Л.А. Кологривову, урожденную Казакову.

Лидии Александровне не суждено было стать свидетельницей событий, с ног на голову перевернувших дорогой для нее мир. Она умерла 2 апреля 1915-го. К столетней годовщине ее ухода подмосковный писатель и краевед Евгений Тихомиров приурочил издание большого сборника ее произведений. Он проделал титаническую работу, связанную с возвращением соотечественникам славного имени русской поэтессы, много трудился в архивах, извлекая из-под спуда забвенные талантливые стихи, скрупулезно уточнял генеалогические данные, исправив грубые ошибки прежних исследователей.

Творчество Кологривовой, пусть и сравнительно недолгое (первая публикация датирована 1902-м), примечательно прежде всего удивительным тематическим и стилистическим многообразием. От лирико-философских пейзажных зарисовок: «Волшебные картины последних летних дней, когда в аллеях сада, как кисти золотого винограда, мелькает желтизна на зелени ветвей...» «Если в звезды взглянуть полночные, любоваться их милым мерцанием, точно очи небес беспорочные смотрят в душу с немим порицанием». До набросков и детально выписанных сцен жанровых, исторических, батальных полотен: «Но шумела толпа, словно мутный ручей, и понять он не мог ни полслова. Выражений лишь странных наслушался он, иноземных названий и чуждых имен: «Конституция», «вольная пресса», «Петрункевич», «система Жореса...» «Ударил первый гром! И недруги лихие стоят с мечом в руке у дальних берегов; уж льется кровь! Восстань, могучая Россия, и отрази, как встарь, зазнавшихся врагов».

Нашлось место в этом творчестве и для остроумных социальных (доднесь актуальных) эпиграмм: «В России женщины, покинув свой очаг, бразды правления и кафедры науки хотят забрать в свои испытанные руки... Украсят жен кресты, а бедные мужья, жизнь изучая вновь под строгою указкой, начнут качать ребят и усыплять их сказкой».

Многие стихи поэтессы наполнены духовным, православным содержанием.

Сборник, составленный Евгением Тихомировым, издается сравнительно небольшим тиражом. Однако есть надежда, что дело «реабилитации» Лидии Кологривовой этим отнюдь не ограничится.

Война и мир

Женщины-снайперы 2-го Прибалтийского фронта.
1944

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Амазонки Второй мировой

Нильс Иогансен

В годы Великой Отечественной на защиту Родины пришлось встать и представительницам прекрасной половины России. Весь тыл, по сути, держался на них, но отличились они и на полях сражений.

«Ночные ведьмы», 46-й гвардейский Таманский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени ночной бомбардировочный авиационный полк — первое, что приходит в голову по «женской» теме, связанной с той войной. Действительно, об отважных летчицах принято вспоминать по всякому более или менее подходящему поводу. О других героинях той войны говорят гораздо реже.

И. Левченко с дочкой Олей. 1965

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Гремя огнем

Красивая хрупкая девушка и тяжеленная грозная боевая машина — казалось бы, совершенно несовместимые понятия. Однако в Советской Армии воевало более двух десятков женщин-танкистов, и среди них были удивительные личности.

В плане красоты здесь вне конкуренции Ирина Левченко. К тому же, единственная, удостоенная звания Героя Советского Союза. Более того, и по окончании войны она не пожелала расстаться с бронетанковыми войсками, хотя это стоило огромных усилий.

После ранения, в 1942 году, санитарструктор Левченко добилась, чтобы ее определили курсантом в Сталинградское танковое училище, которое было эвакуировано в Курган. Перед этим полгода она вытаскивала из горящих машин бойцов, стала среди них своей. Это и определило ее выбор. На фронт младший лейтенант Левченко вернулась командиром Т-60 — легкого танка с противопульной броней. Экипажи таких машин по праву считались смертниками, однако вопреки всему красавица доехала на своей «коробочке» до Берлина, окончив войну уже командиром танковой роты. Подобных случаев в армии было всего два.

Три ордена Красной Звезды, орден Ленина, Золотая Звезда Героя Советского Союза, десяток медалей — тоже своеобразный рекорд. Между тем героическую танкистку некогда хотели даже исключить из Академии бронетанковых и механизированных войск. Пришлось идти к начальству. В своих мемуарах Главный маршал бронетанковых войск Павел Ротмистров не без юмора вспоминал про некоего настырного старшего лейтенанта, который рвался к нему на прием. Оказалось — прекрасная дама. Увидев это, военачальник «растаял» и тут же приказал восстановить справедливость. Потом была служба,

О. Паршонок

Академия имени М.В. Фрунзе, а в 1958 году гвардии подполковник запаса Ирина Левченко вышла на заслуженную пенсию. Но еще много лет подполковник бронетанковых войск — единственная в мире — была настоящей легендой среди своих коллег и историков БТТ. Да и сегодня про нее еще ходит немало самых невероятных баек.

«Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», — это уже про Ольгу Паршонок, которая не только воевала на танках, но и чинила их. Механик-водитель ИС-2, а потом и заместитель командира роты тяжелых танков гвардии младший техник-лейтенант Паршонок расписалась на рейхстаге. И помимо награды привезла с вой-

ны домой еще и мужа. Решительная женщина.

Уроженка Краснодарского края, она еще до войны попала в Ленинград. Выучилась на шофера. В техникуме преподавали и механику, поэтому на фронте девушке частенько приходилось копаться в моторах. В 43-м окончила танковое училище и пересела с грузовика на боевую машину. И ведь что-то было между ними общее — сильная, «кровь с молоком» казачья дивчина и грозный ИС-2. Копалась в моторах, сама водила танк в бой, горела, спасала товарищей. Ленинград, Сталинград, Курск, операция «Багратион», а потом и Берлин — более чем впечатляющий боевой путь. А потом война закончилась, и грозная воительница уволилась в запас, вышла замуж и стала простой советской женщиной. О которой никогда не подумаешь, что когда-то она вела в бой 50-тонную боевую машину.

Когда началась война, студентка МВТУ им. Баумана Евгения Кострикова бросила учебу и записалась на курсы санструкторов. Осенью 41-го под Москвой она уже выносила с поля боя раненых. Потом были Сталинград, Курская дуга, ранения, ордена и медали. Осенью 43-го гвардии старшего лейтенанта Кострикову направили служить в штаб 5-го гвардейского механи-

Е. Кострикова

зированного корпуса, но девушка отказалась. Используя все свои связи — пришлось дойти до самого маршала Ворошилова, она добилась зачисления в Казанское танковое училище. Окончила его и уехала на фронт.

Как и старший лейтенант Левченко, войну капитан Кострикова завершила командиром танковой роты. Только воевать ей пришлось на Т-34. Демобилизовалась, ушла в запас и стала обычной домохозяйкой, одной из миллионов.

Евгения Сергеевна не была красавицей, как Ирина Левченко, или женщиной-богатырем, вроде Ольги Паршенок. Обычная внешность. Как бы сегодня сказали, «серая мышка». И какая-то боль во взгляде... Да, судьба у нее была тяжелой. После того как в 1934 году убили ее отца — Сергея Мироновича Кострикова (Кирова), девочка осталась круглой сиротой. Детский дом, общежитие института — в те годы не было понятия «золотая молодежь», все были равны. Свои связи дочка друга Сталина использовала всего один раз, когда захотела стать танкисткой...

Струнка

*Уж сколько лет прошло
с войны далекой,
Но образ, как и прежде,
близок мне —*

*Безмерно юной
и бесстрашно-гордой
Той девочки с гитарой на войне...
Из-за гитары, что всегда с собою
У комсомолки юной за спиной,
Мы Стрункой нарекли ее
с любовью
И иногда просили:
«Струнка, спой!»*

Эту песню сочинили алма-атинские ребята — Тимур Почанов и Дина Алдабергенова. Называется музыкальная композиция «Струнка» — так на фронте звали их землячку, зенитчицу Софью Румянцеву. С 1942 года и до самой

В те годы не было понятия «золотая молодежь», все были равны. Свои связи дочка друга Сталина использовала всего один раз, когда захотела стать танкисткой

Победы, которую она встретила в освобожденной Чехословакии, Софья Аркадьевна не расставалась с гитарой.

На фронт девушка попала в начале 42-го, когда наши войска собирались освободить Харьков. Но вместо этого пришлось отступить до самого Сталинграда. А там — вгрызаться в землю и держаться до конца.

«В конце августа 42-го началось настоящее светопреставление. Тысячи немецких самолетов атаковали город — и бомбардировщики, и штурмовики, истребители. Они летали, пикировали, обстреливали... Группами, поодиночке, иногда и целыми армадами. У нас, зенитчиков, было очень много работы. А еще приходилось постоянно копать, этим занимались все свободное время — строили оборонительные рубежи. Тогда такие мозоли на руках образовались, что на гитаре

играть было невозможно», — вспоминает Софья Румянцева.

После Сталинграда девушка некоторое время служила на бронепоезде «Большевик». Подобным эпизодом в своей биографии могут похвастаться не многие фронтовики. Участвовала в освобождении Украины, Румынии, Молдавии и Чехословакии. А после войны решила целиком посвятить себя культуре. Окончила Высшую партийную школу, Московский институт культуры и долгое время руководила культурно-массовой работой в различных учреждениях Казахской ССР.

Да и сегодня Софья Аркадьевна в строю — председатель Совета ветеранов Сталинградской битвы и член комитета ветеранов Великой Отечественной войны Казахстана. Ведет активную общественную работу, а ведь ей уже за 90. Хотя по виду и не скажешь. Такие люди остаются вечно молодыми.

Душа в тельняшке

Женщина на корабле — к беде. Хотя смотря для кого. Капитан Евдокия Завалий командовала морскими пехотинцами. Немцы боялись их как огня, милую девушку даже прозвали «фрау Черная смерть».

Начинала, как и многие, санитаркой. А после ранения ее до-

С.А. Румянцева

Е. Завалий

ФОТО: РИА НОВОСТИ

кументы случайно попали в 6-ю десантную бригаду. Кадровик просто перепутал — не всмотрелся, думал, что направляет туда бойца мужского пола. Но девушка прижилась, быстро завоевала авторитет среди буйной флотской вольницы, и в трудный момент именно она поднимала «братушек» в атаку. Командование это заметило — в 43-м Евдокия отправилась учиться.

Севастополь, Новороссийск, Вена, Будапешт, Варна и еще многие города — боевой путь морячки можно проследить по солидному «иконостасу». А в Будапеште ее взвод провел и вовсе уникальную операцию: под водой десантники пробрались в полузатопленный немецкий бункер, захватили ряд ценных «языков», в том числе генерала вермахта.

После войны Евдокия Завалий решила остаться в морской пехоте, отправилась учиться в академию. Но подвело здоровье — несколько ранений и контузия давали о себе знать. Пришлось искать гражданскую профессию. Девушка пошла в торговлю и вскоре выросла до директора магазина. Сохранились воспоминания киевлян о том, что ее магазин воры обходили стороной. Бывшая десантница могла, не вызывая милицию, разобраться на месте, по-свойски. А рука у этой симпатичной женщины с чисто

украинской внешностью была тяжелой...

Но в Советской Армии имелось еще большее чудо — корабль с полностью женской командой. Небольшая посудинка, речная, но все же — боевая единица. История появления экипажа под командованием старшины 2-й статьи Татьяны Куприяновой чем-то напоминает рассказ о годах революции. В 1942 году пять девушек, которые служили в Волжской военной флотилии на гражданских должностях, внезапно решили, что они способны на большее. Комсомолки нашли бесхозное судно, выбрали своим лидером Татьяну Куприянову и отправили ее к командованию чуть ли не с ультиматумом. «Комне пришла старшина 2-й статьи Куприянова и стала настойчиво просить выделить ей тральщик и разрешить укомплектовать его командой девушками. Скрепя сердце я согласился, выделил старый катер. Девушки своими силами отремонтировали его, установили тралы и доложили о готовности нести боевую службу. Перед первым выходом я сам придирчиво осмотрел корабль, проверил знания команды. Впечатление осталось наилучшее, и я дал «добро» на выход», — писал в своих воспоминаниях командующий Волж-

ской военной флотилией контр-адмирал Юрий Пантелеев.

Сталинградская битва была уже завершена, врага отогнали от великой русской реки. Но битва на этой водной артерии продолжалась еще целый год. Немецкие самолеты регулярно пытались сорвать перевозки, фарватер щедро засыпался минами, транспортные суда постоянно бомбили. Из установленного на кораблике ДШК девушки отгоняли вражеские самолеты и расстреливали «плавучую смерть», а если случалось несчастье, помогали спасать людей. Порой приходилось спасаться самим — когда взрыв вражеской мины пробивал корпус, боролись за живучесть своего корабля.

Никаких громких подвигов за экипажем катера-тральщика Т-611 не значится, все члены экипажа, к счастью, дожили до Победы, никого даже не ранило. И орденов никто не заработал, только медали. Но взгляните на эти простые, открытые лица — веселые девчонки не захотели отсиживаться по тылам, сами организовали боевую единицу и вышли против врага. Сегодня в волжском городе Камышине установлен памятник маленькому кораблику и его удивительному экипажу. Большая часть которого и после войны осталась на речном флоте.

Экипаж катера-тральщика Т-611. Командир Т. Куприянова (в центре)

Семья резидентов

Владимир Перекрест

Когда говорят о женщинах в разведке, первое, что приходит на ум, — так называемые «медовые ловушки». Пленительная агентесса влюбляет в себя высокопоставленного врага, и он, расслабившись, то и дело забывает запирать сейф с секретными документами. А в минуты нежности выбалтывает служебные тайны — только успевай записывать. Не будем лукавить: есть и такой метод добычи информации. Однако немало женщин в разведке работали совсем на другом уровне. Одна из них — легендарная Елизавета Зарубина. Вместе с мужем они много лет провели за границей под чужими именами. Это о них написан увлекательный шпионский роман «Рекламное бюро господина Кочека», они были на связи с агентом, ставшим прототипом Штирлица, а позже вывели у американцев все тайны атомной бомбы.

Ваше слово, товарищ браунинг

...1945 год. Из Америки неизвестными агентурными тропами в Советский Союз доставлен секретный материал чрезвычайной важности — он касался атомного проекта «Манхэттен». Начальник отдела спецопераций Наркомата госбезопасности Павел Судоплатов вызвал молоденькую переводчицу. Отвел в комнату и сказал: «Едой и всем необходимым тебя обеспечат. Но пока не переведешь, не выйдешь». И ключ провернулся в замке с внешней стороны. Текст оказался архисложным. Директор Института атомной энергии академик Игорь Курчатов, которому тут же доставили документ, читая, то и дело вздыхал, морщился и недовольно поглядывал на робко стоящую рядом переводчицу. «Что у вас было по физике?» — не удержался «борода» от язвительного вопроса. «Отлично», — честно ответила девушка. Но уж больно терминология незнакомая — «цепная реакция», «период полураспада»...

Тем не менее суть была понятна. В итоге этот и другие полученные из Лос-Аламоса секретные документы существенно помогли советским ученым в создании собственной атомной бомбы. И лишь намного позже та самая переводчица, Зоя Зарубина, узнает, что бесценные материалы были добыты ее отцом, Василием Зарубиным, и его женой Елизаветой — легендарной четой советских разведчиков.

Елизавета Зарубина (урожденная Розенцвейг) — ровесница грозового XX века с точностью до дня. Она родилась 31 декабря 1900 года в состоятельной семье управляющего лесхоза. Окончив гимназию в Черновцах, продолжила образование в Сорбонне и Венском университете. Свободно владела немецким, румынским, французским, английским языками.

С юности бредила мировой революцией. В коммунистическое движение ее вовлекла родственница Анна Паукер, впоследствии — министр иностранных дел социалистической Румынии.

В 1919 году Лиза вступила в подпольную комсомольскую организацию Бессарабии, через четыре года — в Компартию Австрии. Была связной между венским отделом международных связей Коминтерна и румынскими коммунистами-подпольщиками. Однажды, когда она в очередной раз доставила в Бухарест пакет с инструкциями и деньгами, к ней в гостиничный номер явился некто Шандор, товарищ Анны Паукер по нелегальной работе. Гость достал пистолет и потребовал отдать ему пакет. Кто он — агент сигуранцы, просто грабитель? Разыграв смертельный ужас и усыпив тем самым его бдительность, Лиза обреченно двинулась к ящику стола. Шандору было невдомек, что никакого пакета там нет. А есть лишь заряженный браунинг. Оставалось только незаметно взвести курок, что девушка и сделала, стоя спиной к визитеру. Прикрыв оружие каким-то

подвернувшимся под руку свертком, она приблизилась к Шандору и выстрелила. Пуля угодила точно в сердце. Сохраняя полное внешнее спокойствие, Лиза покинула отель. К счастью, на звук выстрела никто не обратил внимания...

Разумеется, этот случай стал известен советской разведке. Чтобы лучше присмотреться к решительной девушке, ее берут переводчицей в полпредство СССР в Вене. Поручения советской резидентуры она

Е. Зарубина

выполняет с энтузиазмом. «Лиза, как и все коммунисты-интернационалисты, старалась помочь пролетарскому государству», — объясняет такую активность Эрвин Ставинский, автор книги «Зарубины. Семейная резидентура».

К 1925 году Лиза получает советское гражданство, а вместе с ним новое имя — Елизавета Горская и оперативный псевдоним Эрна. Теперь она нелегальный сотрудник иностранного отдела ОГПУ.

Разведчица и террорист

Лизу посылают в Турцию, где резидентом был знаменитый авантюрист и террорист номер один Яков

Блюмкин. Тот самый — организовавший в июле 1918 года убийство немецкого посла Мирбаха, объявленный Советской властью вне закона и ею же потом прощенный, а затем ставший начальником охраны Льва Троцкого.

В 20-х Блюмкин, знающий несколько языков, разъезжает по свету, вербует агентуру, тут и там попадает в переделки, но всякий раз чудом остается жив. С количеством шрамов на его теле может сравниться лишь число паспортов, по которым он бывал в разных странах. Душа застолья, друг Есенина и других поэтов. Лиза тоже девушка заметная. Вот как вспоминает о ней Павел Судоплатов: «Обаятельная и общительная, она легко устанавливала дружеские связи в самых широких кругах. Элегантная красивая женщина, натура утонченная, она как магнит притягивала к себе людей».

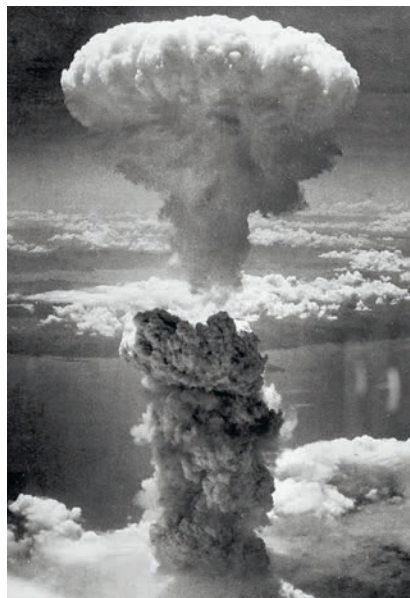
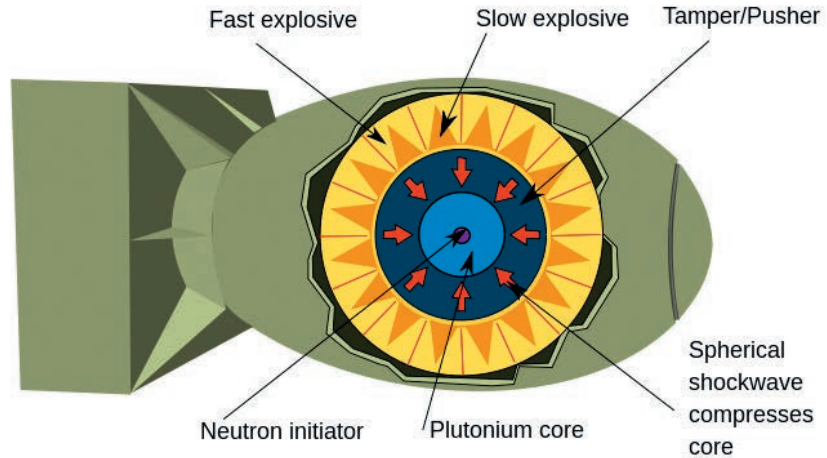
У Эрны и Блюмкина, они были ровесники, возникли отношения. А потом произошло то, из-за чего миловидное лицо Лизы Горской навсегда приобрело жесткое выражение, известное нам по ее сохранившимся фотографиям.

В деле №864И хранится ее служебная записка, пишет документалист Игорь Муромов. Она сообщала руководству, что под большим секретом Блюмкин рассказал ей, как встречался с Троцким в Константинополе в апреле 1929 года — через два месяца после его высылки из СССР. Понимая, чем ему это грозит, уже в Москве Блюмкин позвонил Лизе и попросил о помощи. Некоторые исследователи считают, что и в Москву курсировавшего в то время между Индией и Турцией Блюмкина выманила Горская, но в ее донесении об этом ничего не говорится. О звонке Лиза тут же доложила в ОГПУ и, получив инструкции, отправилась на встречу. Ранее она через посредника уже передала Блюмкину чемодан, набитый долларами. Встретившись, Лиза минут двадцать убеждала друга явиться с

повинной, но тот отказался. «Мы вышли на улицу, мне пришлось сесть с ним в машину, — цитирует Муромов объяснение Горской. — Поехали на какой-то вокзал, где я надеялась арестовать его с помощью агента ОГПУ или милиционера». Но поезда на Ростов, куда хотел выехать Блюмкин, уже не было. На обратном пути их такси остановили на Мясницкой. Блюмкина попросили выйти. Он все понял. Обернулся к Горской и сказал: «Ну, прощай, Лиза. Я ведь знаю, что это ты меня предала...»

Дело Блюмкина имело огромный резонанс в партии и разведке. В решении Политбюро (ноябрь 1929-го), помимо «Блюмкина расстрелять», говорилось: «Поручить ОГПУ установить точно характер поведения Горской». Опасаясь, что Лиза может «попасть под раздачу», коллеги предложили ей командировку в Данию — связной к резиденту Василию Зарубину, человеку, даже по меркам нелегалов того времени слышшему бесшабашным.

По легенде он — чех, Ярослав Кочек, она — немка. Случайно встретились в аптеке, она помогла ему с выбором лекарства. Быстрый, бурный роман. Поездки в авто на бешеной скорости, рестораны, казино. У Зарубина за плечами рас-

павшийся брак. И дочь, живущая в Союзе, уже упоминавшаяся переводчица Зоя Зарубина. С новой женой отца у нее сложатся прекрасные отношения. Из Дании чета Зарубиных переехала во Францию. В декабре 1933-го они уже в Германии. Здесь им по-настоящему улыбнулась удача. От прежней резидентуры достался ценный агент Вилли Леман, один из прототипов Штирлица. Еще в конце 20-х он предложил услуги советской разведке. Показал свои возможности — в Центре ахнули. С 1911 года работал в контрразведке, следил за иностранными посольствами. После прихода нацистов к власти по рекомендации Геринга переведен в гестапо. Вступил в СС, участвовал в операции «Ночь длинных ножей». Карьера шла в гору. Вот он уже начальник подразделения по борьбе с «коммунистическим шпионажем». Часто бывал у шефа гестапо Мюллера и у начальника РСХА Гейдриха. В 1935 году назначен начальником контрразведки на предприятиях военной промышленности, что дало возможность присутствовать на испытаниях новейших образцов вооружения. Данные о новой технике порой поступали в Москву раньше, чем на стол фюреру. Не менее ценной была информация и о внедренных в коммунистическое подполье гестаповских агентах, эти сведения также проходили через Лемана.

Хиросима. Последствия ядерного взрыва. 1945

ФОТО: PHOTOSHOT/PHOTAS/ТАСС

Судьба его сложилась трагически: в декабре 1942 года его выдал под пытками схваченный гестаповцами советский агент из числа немецких антифашистов. Гауптштурмфюрера Лемана срочно вызвали на работу. Домой он уже не вернулся... Но к этому времени Зарубиных в Германии не было. Через неделю после нападения Гитлера на СССР они выехали на Родину.

Роман с атомом

Октябрь 1941-го, немцы подходят к Москве. Зарубины готовы вернуться в Германию. Но маршрут меняется. Василия вызвал сам Сталин. «Очень важно и необходимо знать об истинных намерениях американского правительства, — напутствовал вождь и, справившись о здоровье жены, добавил: — Берегите ее».

Вскоре Зарубины вылетели в США — через Китай и Филиппины. В Нью-Йорк прибыли в декабре 1941-го. Обосновались почти легально — к работе в качестве нового советского вице-консула приступил Василий Зубилин. Его жена блистала в свете. И вскоре первый серьезный результат: удалось узнать о начале работ по созданию атомной бомбы. Американские власти пригласили к ним самых выдающихся ученых-физиков во главе с Робертом Оппенгеймером и выделили на эти цели 20% от общей суммы военно-технических расходов.

Это была «бомба» и для советского правительства. В помощь Зарубину срочно выслали спецов по науке и технике. В декабре 1943-го удалось завербовать видного физика Клауса Фукса. Однако Центр требовал большего. Ситуация осложнялась тем, что все ядерщики, занятые в проекте, размещались на строго охраняемых объектах. Попасть туда было невозможно.

Спасло ситуацию обаяние Елизаветы. Она знакомится с женой Оппенгеймера Кэтрин, симпатизирующей Советскому Союзу. Между

женщинами завязывается нежнейшая дружба. В результате Лизе удалось через подругу «протокнуть» в лабораторию к ее мужу нескольких физиков, придерживавшихся левых взглядов, которые потом стали передавать ядерные секреты Москве.

Еще до войны Зарубина сумела завербовать красавицу-жену русского скульптора Сергея Коненкова Маргариту Воронцову (псевдоним

ФОТО: РИА НОВОСТИ

**ХИРОСИМА
НЕ ДОЛЖНА ПОВТОРИТЬСЯ!**

Лукас). Через нее разведчики вышли на самого Эйнштейна! Принстонский университет, где работал автор теории относительности, заказал его портрет знаменитому Коненкову. В мастерской они и познакомились — 56-летний Эйнштейн и 40-летняя Маргарита. Разница в возрасте их не смущала — все в мире относительно. Прогулки, ужины, стихи... И впроброс — о ядерной физике. Маргарита дословно запоминает обрывки фраз, над смыслом которых потом бьются асы промышленной разведки. В азарте резидент Лиза даже попыталась через Маргариту завербовать ученого, но тот от прямого сотрудничества с советской разведкой отказался. Однако отношений с Маргаритой не прервал. Только к ласковым прозвищам добавилось

еще одно: «моя маленькая русская шпионка».

В 1945 году Коненковы возвращаются в СССР. По приказу Сталина для них зафрахтован целый пароход. Похоже, на этом судне — среди скульптур и домашней утвари — и были вывезены чертежи и другая документация, касающаяся проекта «Манхэттен», полностью вскрытого нашей разведкой. По свидетельству того же Ставинского, тем или иным образом в СССР было переправлено 286 секретных документов, это 11 000 страниц.

В августе 44-го Зарубиных отзывают в Москву. Оказалось, что один из сотрудников советской резидентуры страдал шизофренией и в момент обострения написал анонимные письма Сталину, Рузвельту и директору ФБР Гувелу о том, что Зарубины работают на немецкую и японскую разведки. Попутно выдал многих советских агентов в США. И все же командировку можно было бы считать удачной, если бы не одно печальное обстоятельство. За выдачу государственных секретов в 1953 году были казнены на электрическом стуле супруги Джулиус и Этель Розенберги. Они были коммунистами и действительно сотрудничали с советской разведкой, но к выдаче секретов атомного проекта не имели отношения. А наши герои за свою работу получили ордена и — отставку. Василий Зарубин скончался в 1972-м. Людей на похоронах было немного. Председатель КГБ Юрий Андропов подошел к дочери Зое и сказал: «Здесь могло собраться все министерство. Но мы не можем себе этого позволить...» Да, разведка — дело не публичное. Елизавета Зарубина пережила мужа на 15 лет.

14 мая 1987 года ее не стало. Финал трагичен. На Кутузовском проспекте, по пути в аптеку, она попала под автобус. Ее доставили в клинику, провели тяжелейшую операцию по ампутации ноги. Но, несмотря на усилия врачей, спасти легендарную разведчицу не удалось.

Символ веры

УСЛЫШИТ И ПОМОЖЕТ

Татьяна Уланова

Два года назад, в день привычного для нас советского праздника в православном календаре появилась новая памятная дата. Связана она с именем блаженной старицы Матроны Московской. В 1998-м, именно 8 марта, были обретены ее мощи. И теперь им ежедневно поклоняются многие тысячи верующих. Едут со всех концов огромной страны, выстаивают многочасовые очереди. В жару и стужу. И все ради нескольких секунд, когда, приложившись, нужно успеть прошептать заветное: «Помоги!»

БОЛЬШИНСТВО в очередях — женщины. Кто-то просит за себя — умную, красивую, но незамужнюю. Кто-то — за больных детей. А иные — и за непутевых мужей... Так уж сложилось: испокон веков основной груз ответственности за семью тянет на себе женщина. Именно она отвечает, как правило, за эмоциональное состояние домочадцев. И от того, счастлива ли супруга и мать, зависит по большому счету благополучие мужа и детей.

«Молись иконе, да будь в покое», — завещал мудрый Даль. Мужская душа в духовно-религиозном смысле — обычно «потемки». А вот многие женщины, побывав у Матронушки, обретают очевидный душевный покой, который другим, не знающим подобного счастья, «только снится». В основном едут в Покровский монастырь, к святым мощам. Те, кто знает о Даниловском кладбище, где более полувека назад была

похоронена Матрона Дмитриевна, а теперь установлена в ее честь часовня, стремятся туда.

В прошлом году появилось еще одно место, где блаженную чтут по-особому — на родине старицы. В селе Себино Тульской области, в трехстах километрах от столицы, открыт дом-музей. Рядом с Успенским храмом, где когда-то в серебряной купели крестили слепую дочь благочестивых Натальи и Дмитрия Никоновых. В музее даже завели «Книгу отзывов», чтобы понимать, кто откуда едет и о чем просит. В благодарность за помощь люди привозят порой самое дорогое, что у них есть, — семейные реликвии. За полгода экспозиция пополнилась сотней таких вещей. Среди них — старинные икона и крест-распятие. Изба-музей — заведение светское, однако здесь можно не только спокойно присесть, подумать, попить чаю, помолиться (для этого устроены два красных угла), но и... поплакать.

Для женщин такая «опция» ценна вдвойне. Даром, что знакомство с невыдуманными, проникновенными историями, которые отражены в благодарностях и мольбах, способно вызвать скупую слезу даже у мужчин. Не стесняясь, как на исповеди, кто на «Вы», кто по-простому — на «ты», молодые и взрослые обращаются к старице, будто к живой. Часто — с помощью интернета.

Пишут как в последнюю инстанцию, где только и можно найти требуемую истину. Для одних она — в хорошо оплачиваемой работе, для других — в долгожданном счастье материнства, для третьих — в венчании с любимыми.

«Моя любимая святая Матронушка, помоги мне, пожалуйста, упроси Господа нашего позволить нам с Сашкой быть вместе и создать семью добрую, в любви, на радость всем вам на небесах и нашим родным тут, на земле! Пусть в его сердце проснется любовь ко

Освящение музея Матроны Московской
в селе Себино

СИМВОЛ ВЕРЫ

мне, настоящая, пусть его душа повернется ко мне... Обещаю, что исправлю все свои ошибки, буду стараться изо всех сил быть хорошей, доброй, любящей женой. Мати Матронушка, моли Бога о нас, и пусть мы обретем совместное семейное счастье, и у нас родится долгожданный ребеночек...»

«Была я на могилке у блаженной Матроны. Потом мне надо было идти за ребенком в детский сад. Перехожу дорогу — меня сбивает машина, три раза перевернуло от удара. Я только мысленно успела вспомнить о блаженной Матроне, при этом было чувство, что меня кто-то поднял на руках. Встала, отделалась испугом и синяками — меня спасла блаженная Матрона».

«До тридцати лет была атеисткой, жила без Бога, пока не грянула беда. Мужа оклеветали, и попал он за решетку... Я сразу начала борьбу за него. Но неудачи преследовали одна за другой. Друзья предали. После шести месяцев заключения дело по обвинению мужа попадает в руки непорядочного судьи, который потребовал от меня такие деньги, которых мне не заработать и за десять лет... Я обратилась к знакомой верующей девушке, и она посоветовала съездить на Даниловское кладбище к могилке блаженной Матроны... Послушница, которая дежурила там, дала мне свечей, песку с могилки и листок с молитвой... Каждый день на ночь перед сном я читала молитву Матронушке, и свершилось чудо. Дело у судьи-взяточника забрали вышестоящие инстанции, и оно попало через два месяца к судье честному и принципиальному. Муж вышел на свободу. А вскоре принял крещение».

«...Помолилась, взяла песочек с могилы Матронушки и уехала домой в Нижневартовск. Песочек пролежал у меня почти полтора года, когда сестра Мария рассказала о своей болезни — у нее обнаружилась злокачественная опухоль

Старица Матрона

Изда-музей в Себино

щитовидной железы. Предстояло лечение: операция, облучение, гормональные препараты... Когда я дала ей песочка, приходит к Марии во сне матушка, гладит ее рукой по шее и говорит: «Знаю я твою болезнь, не переживай, выздоровеешь, все у тебя будет хорошо». Теперь Марии делать операцию уже не нужно».

«Матушка Матронушка, спасибо тебе за твою заботу о нас, за то, что ты слышишь наши молитвы и не оставляешь без внимания ни одну нашу просьбу. Я молилась матушке Матронушке, когда моя дочка ходила беременной, когда рожала. У нас растет очень хороший внучек Коленька. Сейчас, когда на Украине происходит для простого человека что-то непонятное (а у

меня там живут старенькие родители и родная сестра с семьей), я молю тебя, Матронушка, помоги им выжить, не потерять себя».

«Спасибо тебе, матушка Матронушка, за помощь твою! После твоей молитвы у сына спала температура и больше не поднималась, ангина прошла на следующий день! Спасибо тебе, милая! Верю и люблю».

«Матушка Матрона! Помоги нам быть с мужем вместе. Пусть у него проснется чувство ко мне. Прости мне грехи мои, вольные и невольные. Матушка Матрона, пусть Андрей образумится и вернется домой. Услышь молитвы мои и не оставь меня без помощи».

По вере вашей да будет вам... Для тех специальных случаев, когда чего-то ждешь от святых, есть одна обязательная фраза. Ее многие забывают. Порой это трудно произнести. Приходится буквально заставлять себя. Но именно в ней, этой фразе, великий смысл всего сущего: «Если Господу будет угодно». Или: «Если будет на то воля Божья». Суть сакральной мысли открывается тому, кто годами тщетно просил о чем-то, а, вымолив, неожиданно осознал: не

ФОТО: PHOTOPRESS

ФОТО: PHOTOPRESS

Ее могли не раз арестовать за отсутствие прописки и непонятную для многих деятельность. Она меняла место жительства, не спала ночами и сутки напролет просила Бога защитить обездоленных

просто так Господь отказывал — уберегал от другой беды. Более жестокой...

Матронушка с детства знала это, как никто другой. Земной путь праведницы — сплошное чудо. Хотя вряд ли у кого язык повернулся бы назвать жизнь этой женщины безоблачной. Она еще не родилась, а родители уже решили отказаться от «лишнего рта» (троих старших было не прокормить). Если бы не вещей сон со слепой голубкой, ко-

торый увидела Наталья Никонова незадолго до родов, увезли бы Матрешеньку в приют. Чудо, что девочку оставили в семье. Сама она никогда не чувствовала себя инвалидом. Рано узнала дорогу к храму — слава Богу, он был рядом с домом, там и спасалась.

Лет в семь начала исцелять. Не отварами, не заговорами — молитвой. И поехали к ней страждущие из городов и сел. Возвращались, излечившись, с благодарностью... «На все воля Божья» — никогда не сомневалась Матрона. В 17 лет обезножела и вроде не удивилась. Приняла как данность. Продолжала заниматься тем, что было угодно Господу. Не имея возможности видеть, лучше многих зрячих «рассматривала» приходящих к ней. С помощью звуков, запахов, ощущений. Гладила по лицу, молилась. И беды отступали. То, что сама Матрона в тяжелые годы выжила в Москве, скитаясь из одного угла в другой, — тоже чудо. Ее могли не раз арестовать за отсутствие прописки и непонятную для многих деятельность. Она меняла место жительства, не спала ночами и сутки напролет просила Бога защитить обездоленных.

Более 120 лет прошло с тех пор, как у слепой девочки Матрешеньки открылся дар исцеления и предвидения. Появились новые технологии, врачи научились справляться с тяжелыми недугами... А люди по-прежнему идут и идут к Матроне Московской. Когда надеяться уже больше не на кого. Теперь и мужчины уже ищут спасения у блаженной старицы.

«Матушка Матронушка, попроси у Господа жену для меня, устал один! Душа черствеет с каждым днем. Блуждаю в потемках, укажи путь к свету, и потянусь лучу твоему...»

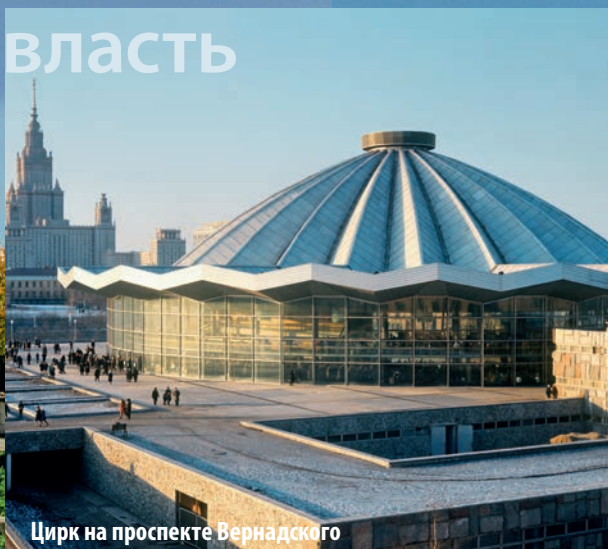
Матрона не прогонит, не осудит. Она все поймет правильно. А там уж — как Бог даст. Только верить надо.

Советская власть

ФОТОГРАФИИ: ТАСС

Музыкальный детский театр Натальи Сац

Цирк на проспекте Вернадского

Памятник Юрию Долгорукому

«Ткачиха» СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Андрей Самохин

Никогда прежде женщина не укоренялась так надолго в госаппарате СССР. Не идут в сравнение ни Инесса Арманд, входившая в ЦК, ни Александра Коллонтай, служившая послом республики. Эти и некоторые другие дамы-эмансипе, ярко вспыхнувшие в революционном авантюрном карнавале, смотрелись бы неорганично посреди картины будничного государственного строительства. Здесь нужна была системная и позитивная фигура: с глубокими народными корнями, пониманием аппаратных законов. Умением держать себя с мужским окружением на равных и в то же время не превращаться в партийный «синий чулок», оставаться женщиной, вызывающей восхищение не меньше, чем уважение. Такой или почти такой смогла стать Екатерина Фурцева — член Президиума ЦК КПСС, а затем на протяжении 14 лет министр культуры СССР.

В ПРОЗВАНИИ «Екатерина Великая» была, конечно, изрядная доля иронии. Но и клички «ткачиха» (по первой своей работе) она никак не заслуживала. Красивая, подтянутая, с голубыми глазами и роскошной косой, которую укладывала «короной», Фурцева всю жизнь следила за собой: ходила в бассейн, играла в теннис, занималась гимнастикой и соблюдала диету. Выступала без бумажки, с жестикуляцией и театральными паузами, отрепетировав прежде доклад перед зеркалом. В платьях и пальто от лучших московских, а позже и парижских (благодаря французской подруге, художнице Наде Ходасевич-Леже) портных, с обаятельной улыбкой и грацией, она достойно несла за границей марку «первой советской дамы света».

Чего-то не знала, но, обладая системным мышлением, умела привлечь в советники толковых специалистов. Александр Байгушев, журналист и писатель, до того успешно отучившийся на романо-германском отделении филфака МГУ, а затем и во ВГИКе, оказался в свое время среди ее постоянных «тематических» помощников. В газету «Советская культура», где он работал, однажды позвонили из секретариата Фурцевой и попросили рекомендовать того, кто может полезно поучаствовать во встрече с Джинной Лоллобриджидой. Указали на Байгушева. Во время беседы с кинодивой тот в нужный момент весьма активно «включился в процесс». Сделав знак штатному толмачу, начал переводить сам, наполняя звучавшие вопросы министра личным знанием мирового кино. Кинозвезда расцвела. А вслед за ней — и Фурцева, сообразившая, что ее новый переводчик несет умную отсебятину. После этого чрезвычайно памятного для нашего собеседника случая Екатерина Алексеевна привлекала его на самые разные культурные мероприятия.

— Был я с ней и на выставке авангардистов в Манеже, куда пригласили Хрущева. Закончилась она, как всем известно, скандалом, — рассказывает Байгушев. — Ту «историческую» выставку готовила она сама совместно с Элием Белютиным. Справедливо полагала, что это гораздо лучше предыдущих подпольных вариантов. Поначалу все было неплохо, Никита Сергеевич ходил веселый, шутил. Но сзади в оба уха ему жужжали про «вырожденцев-отщепенцев» Сулов и Шелепин. Услышав обрывки их реплик, я осмелился предупредить Фурцеву, сказал что-то вроде: «Они его специально заводят, провоцируют». В ответ она тихо и грустно произнесла: «Я не буду вмешиваться — это большая игра». Закончилось все знаменитыми хру-

Е.А. Фурцева

щевскими воплями да обсценными эпитетами.

Тогда, в 1962-м, Екатерина Алексеевна уже знала, что Хрущева хотят скинуть, предварительно выставив дураком со всех сторон. Фурцева не препятствовала зрешему заговору и его окончательному воплощению на Пленуме ЦК 14 октября 1964 года. Ибо была к тому моменту смертельно обижена на первого секретаря, как и многие, разочарована в нем. А ведь несколькими годами ранее именно она стала спасительницей Никиты Сергеевича от заговора «Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова».

Заседание Президиума ЦК 18 июня 1957 года было собрано без ведома Хрущева и началось с его резкой критики. Тогда новым гла-

вой КПСС уже почти стал Молотов. За него проголосовали 7, а за Никиту — 4 члена Президиума. По словам Байгушева, Екатерина Алексеевна, сидевшая на том заседании и видевшая, к чему клонится дело, отпросилась в дамскую комнату, которая находилась в другом корпусе. Выйдя из зала, немедленно набрала по кремлевской «вертушке» номера председателя КГБ Серова и маршала Жукова. Потом с развевающейся косынкой побежала через весь двор к воротам Кремля и приказала охране впустить военных, уже имевших четкие указания от маршала Победы. Те окружили здание, где решалось будущее страны, добавив веских аргументов сторонникам Хрущева. На следующий день по приказу Жукова на военных самолетах в Москву были доставлены остальные члены ЦК, сторонники первого секретаря. Попытка переворота обернулась осуждением «антипартийной группы». Наверное, с точки зрения истории и интересов государства, подобные действия условных хрущевцев были, мягко говоря, ошибочными. Однако Фурцеву этот эпизод характеризует, скорее, положительно.

Почему столь решительно она поддержала тогда Хрущева? Вопреки слухам, никакого романа между ними не было, хотя Никите Сергеевичу (как, впрочем, и многим) Фурцева явно нравилась. Он помогал ее продвижению по служебной лестнице. Екатерина Алексеевна была безупречна как товарищ и соратник, чего не скажешь о многих других представителях тогдашней государственной элиты. Всего через четыре года Хрущев фактически предал свою спасительницу, втихую вычеркнув ее из состава Президиума. Пораженная неблагодарностью и вероломством, она уехала на дачу и полоснула себя бритвой по венам. Ее спасли. А «вождь» добавил к драме порцию своего природного хамства. Членам ЦК он во всеулышание пове-

На трибуне мавзолея с предсовмина СССР Н. Булганиным. 1958

Н. Леже, Е. Фурцева, М. Плисецкая. 1968

ФОТО: АРХИВ/ТАСС

ФОТО: АЛЕКСАНДР КОНЫЛОВ/ТАСС

дал с кривой ухмылкой свою версию произошедшего...

Малоизвестное обстоятельство: уже назначенная министром культуры Екатерина Фурцева отважилась на серьезный конфликт с Хрущевым — на пару со своим непосредственным начальником, первым замом предсовмина Алексеем Косыгиным.

Поводом стала безобразная хрущевская кампания по разрушению православных храмов, сопровождавшаяся грубой антицерковной пропагандой. Косыгин и Фурцева выступали против уничтожения «исторических и культурных ценностей народа».

— Хрущев тогда сильно обозлился на Екатерину Алексеевну, — свидетельствует Байгушев. — На следующий день, когда у нее были посетители, в кабинет молча зашел какой-то «черный человек» и выдернул шнуры из правительственных телефонов. Это была акция устрашения. Потом Никита остыл, передумал ввергать в опалу верного и надежного товарища.

Позже в ее министерской биографии было немало случаев заступничества и оказания помощи работникам искусства, которым грозили крупные неприятности. Известны примеры спасения храмов. Как опытная аппаратчица «Екатерина Великая» заручалась сначала «письмами трудящихся», которые сама же порой и инспирировала.

Конечно, были у нее и пресловутые «одобрямсы», и колебания вместе с линией партии. Но без этого на властных высотах невозможно удержаться в принципе. Дружила с Людмилой Зыкиной. С конца 60-х они, по слухам, вдвоем тайно ходили в церковь. Точнее, Фурцева — тайно. А Зыкина — вполне открыто: чего ей-то, любимой певице Брежнева, было бояться?

Когда пробегаешь взором страницы судьбы Екатерины Алексеевны, буквально бьет в глаза мощь созидательной энергии этой женщины. Но с одним нюансом: ее разносторонняя любознательность входила в некоторое противоречие с карьерной целеустремленностью.

Родом из рабочей семьи, из Вышнего Волочка, она, проработав год на ткацкой фабрике, попала как активистка в стремительную круговерть комсомольского призыва. И уже через пару лет стала секретарем Феодосийского горкома ВЛКСМ. Екатерина зачастила в Коктебель — на базу первых советских планеристов. Молодая комсомолка сама научилась летать на планере, а также познакомилась с будущим конструктором космических кораблей Сергеем Королевым. К слову, огромное уважение, даже преклонение перед этим человеком Фурцева пронесла через всю свою жизнь.

Обком рекомендовал ее на Высшие летные курсы гражданской

авиации. После трех лет учебы там молодая комсомольская работница была направлена в Саратовский авиатехникум.

Вышла замуж за своего начальника, инструктора летного звена Петра Биткова, от которого во время войны получила первый жестокий жизненный удар: муж сообщил ей в письме, что у него теперь другая семья. Екатерина, ожидавшая ребенка, изо всех сил стремилась выстоять, не впасть в отчаяние. Всю жизнь она выглядела железной, негибкой, будучи внутри ранимой и доверчивой.

Тем, кто презрительно именовал ее «ткачихой», следовало бы знать: Екатерина Алексеевна окончила Московский институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова с дипломом инженера-химика. Затем — Высшую партийную школу. В сорок девятом на торжественном заседании в Большом театре председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Шверник представил Фурцеву (тогда первого секретаря Фрунзенского райкома ВКП(б) Москвы) Сталину, которому та понравилась. Ее карьера обрела уверенную вертикаль.

Став вскоре «московской хозяйкой» — первым секретарем горкома, а позже министром культуры страны, она сделала много хорошего для столицы. Мощное жилищное строительство с расселением

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Д. Лоллобриджида, Е. Фурцева, М. Мерлини. 1961

ФОТО: НИКОЛАЙ СИТНИКОВ/ТАСС

С. Е. Вучетичем и Н. Томским. 1970

коммуналок, возведение крупных медицинских центров... Стадион в Лужниках, цирк на проспекте Вернадского, «Детский мир», Музыкальный детский театр Натальи Сац, Дворец пионеров на Ленинских горах, памятник Юрию Долгорукому — всем этим и многим другим мы обязаны в том числе именно ей.

Трудясь министром, Екатерина Алексеевна инициировала проведение Международных конкурсов: имени Чайковского и артистов балета, Недель французского кино. Стараниями главы Минкульта и Григория Чухрая (несмотря на сопротивление Суслова) Большой приз Московского кинофестиваля получил Федерико Феллини за картину «8 1/2».

Она умела различать и назначать людей действительно большого полета — тех, кто десятилетиями после нее создавал славу советского искусства. Так, ее волевым решением главным балетмейстером Большого театра был назначен Юрий Григорович; во главе МХАТа встал Олег Ефремов, Малый театр возглавил Борис Равенских — список этот можно продолжать долго. Благодаря ее личным уговорам французы согласились на рискованный шаг: по пути из Японии в Париж завезли на неделю в Москву «Мону Лизу».

Весьма любопытен эпизод встречи с Арманом Хаммером, которому министр намекнула, что «в

СССР сорок два Рембрандта и ни одного Гойи». И Хаммер в ответ был вынужден подарить ей картину великого испанца.

Ее личное обаяние творило чудеса. Именно на приглашение Фурцевой откликнулся Марк Шагал, передавший Пушкинскому музею 75 своих литографий. К ней «неровно дышал» директор театра «Ла Скала» Антонио Гиригелли, благодаря чему наши оперные певцы смогли стажироваться на прославленной сцене.

Перед творцами прекрасного она испытывала пиетет, что не исключало необходимости проводить среди них «линию партии». Имелись у нее и свои любимчики: Сергей Бондарчук, Святослав Рихтер, Майя Плисецкая, Олег Ефремов. Ее хорошей знакомой была оперная звезда Мария Каллас. На фурцевской даче в качестве близких друзей часто собирались Константин Симонов, Юрий Завадский, Ростислав Плятт...

Она умела дружить: верность человеку и верность данному слову были для нее не пустым звуком. Резкие отзывы современников вроде раздраженной реплики Галины Вишневской («она ни черта не смыслит в искусстве») являлись исключениями из общего правила. На похоронах Фурцевой Плисецкая назвала ее «лучшим министром культуры», почти выкрикнув сквозь душившие слезы: «Будут другие, но

такой — никогда!» Екатерина Алексеевна Фурцева, наверное, не была идеальной женщиной, ибо такой полуфантазийный образ вряд ли совместим с функциями государственного деятеля и чиновника в принципе. Но она была по-своему великолепна. К тому же — с идеалами. Личными и общественными. Например, до конца жизни верила в коммунизм. Что не мешало ей ценить красоту, духовность вне идеологии и постепенно склоняться к вере предков — православию. Под занавес жизни она наблюдала быстрое разложение социалистических идеалов, что причиняло ей боль. Фурцева отнюдь не была циником или гедонистом, как многие окружавшие ее «патриции».

Возможно, в какой-то момент она и хотела стать «железной партийной леди». Но не удалось — слишком женское и слишком русское сердце билось под внешней скорлупой-оболочкой. Она жила, пока могла жить, а тайну своей смерти унесла в могилу.

Зато оставила по себе теплую народную память, которую только подчеркивает множество анекдотов и частушек, сочиненных про нее еще при жизни.

Под ее руководством не прозябала, а, напротив, расцвела великая культура, которую мы — такие ныне свободные и идеологически не зашоренные — все никак не можем превзойти.

Славянский рубеж

М. ФЛОСТОВ. «РУССКИЙ МУЧЕНИК ЕВГЕНИЙ РОДИОНОВ», 2008

Сердце матери

Роман Илюшкин

Каждый раз, приходя в храм, стараюсь возжечь поминальную свечу за русского солдата Евгения Родионова. Попав в плен к боевикам в Чечне, он предпочел мучительную смерть предательству. Женя не снял с себя крест, как того требовали убийцы, обещавшие в случае его повиновения оставить воина в живых.

С ЕГО мамой, Любовью Васильевной Родионовой, мы познакомились примерно пятнадцать лет назад. Меня направил к ней — в подмосковный поселок Курилово, близ Подольска — Савва, епископ Красногорский, в то время возглавлявший Синодальный отдел РПЦ по взаимодействию с Вооруженными силами. Владыка предложил мне написать к готовящейся канонизации (дело, как известно, нескорое, на этот процесс обычно уходят десятилетия) икону рядового Родионова, мученически погибшего в первую чеченскую войну от рук ваххабитов. Перед началом работы над образом солдата надо было узнать о нем как можно больше.

Мы сидели в крохотной кухне скромной «однушки» за столом, накрытым клеенчатой скатертью. Хозяйка, сухощавая, невысокого роста, с ранней проседью в темных волосах и

удивительно добрым выражением карих глаз, угощая чаем, неспешно рассказывала о своем сыне. Воспитала Женьку, можно сказать, одна. Единственный ребенок был послушным и трудолюбивым. А еще мальчишка старался выполнять обещания, данные маме. Ослушался лишь один раз. В двенадцатилетнем возрасте Женя сумел отлить из алюминиевой ложки крестик и надел его на шею. На призывы неверующей (что вполне типично для недавних времен) женщины немедленно снять крест любимый сын ответил: «Я его никогда не сниму, мама». И не снял. Никогда.

Служить Женька пошел с готовностью. Верил: суровая армейская дисциплина и предстоящие трудности закалят характер, помогут стать настоящим мужчиной. Перед службой, окончив школу, парень успел поработать на местном предприятии, выпускающем древесные плиты для мебели. Попав в погранвойска и получив в учебке воинскую специальность гранатометчика, рядовой Родионов был направлен на границу Ингушетии и Чечни, где вовсю полыхала война.

Беда пришла внезапно. Евгений и еще трое его боевых товарищей занимали блокпост у дороги и проверяли все проезжавшие мимо транспортные средства. Однажды рядом притормозил зеленый санитарный автомобиль. Находившаяся в нем группа боевиков в гражданском, выдав себя поначалу за мирных жителей, захватила солдат. Те не успели дать должный отпор до зубов вооруженным и хорошо тренированным бандитам, которых было намного больше. Избитых в кровь, связанных Евгения и его сослуживцев затолкали в машину и увезли в Чечню, в плен. По словам Любови Васильевны, в условиях тогдашней армейской неразберихи и казенного чиновничьего равнодушия никто бойцов искать не стал, а Женькиной маме пришлось извещать о том, что рядовой Родионов

Л. Родионова

самовольно покинул свою часть. Местный участковый в Курилово стал периодически стучаться к Родионовым и осматривать дом в поисках дезертира. Мать поняла, что это какая-то чудовищная ошибка и что ее сын попал в беду.

В это время четверку русских воинов держали в подвале жилого дома под Бамутом прикованными к трубе парового отопления и

В тот слишком памятный для нее весенний погожий день она находилась всего в семи километрах от места, где совершалась кровавая расправа над сыном и его друзьями

постоянно жестоко избивали. От пленников требовалось одно: отказать от православия и принять ваххабизм. Так прошло сто дней. Едва живые, с переломанными от побоев ребрами — это потом установят судмедэксперты — четверо русских солдат не унизились перед захватившими их боевиками, не изменили воинской присяге. Женька и его товарищи знали, что после принятия чужой им веры

обязательно последует следующий шаг на пути предательства — их участие в расстрелах таких же, как и они, плененных моджахеддинами российских воинов.

До сих пор мама Евгения не может себе простить... В тот слишком памятный для нее весенний погожий день она находилась всего в семи километрах от места, где совершалась кровавая расправа над ее сыном и его друзьями. Рядового Родионова боевики казнили, отрезав живому голову, так и не принудив его снять свой крест. Это произошло 23 мая 1996 года, в день рождения солдата. Ему исполнилось девятнадцать. Такой же страшной участи подвергся еще один из товарищей Евгения. Остальных расстреляли...

Чтобы найти сына, Любовь Васильевна, с трудом собравшая деньги, поехала в Чечню. Навела отцов-командиров в части, где служил Родионов, и тут же продолжила мучительные поиски. Потом она скажет, что ходила тогда «по краю», следуя из одного чеченского села в другое и стараясь не думать об опасности. Не раз случалось попадать в расположение увешанных оружием террористов. Удивительная сила воли русской женщины, ее решимость, стремление во что бы то

ни стало найти сына нередко попросту обескураживали матерых бандитов. В одном из чеченских сел Любовь Васильевна повстречала самого главного из злодеев — Хаттаба, который в знак своего особого расположения велел подарить ей видеокассету с записью бандитских расправ над российскими военнопленными. А также сделанную на полароиде фотокарточку, где сухонькая, стриженная почти «под ноль» солдатская мать в осеннем пальтеце и здоровенный главарь международных убийц запечатлены рядом. Эта фотография потом не раз спасала женщину от верной смерти, служила самым действенным пропуском в местах, занятых террористами.

Однако так было не всегда. Один раз к ней и еще нескольким матерям, тоже приехавшим в мятежную республику в поисках пропавших сыновей, боевики вывели молодого солдата с потухшим взглядом. Его мать бросилась к юноше со словами: «Костя, сынок, это же я, твоя мама!» На что, оттолкнув ее, тот произнес: «У меня нет больше матери, у меня есть только Аллах!» После этого бандиты, ухмыляясь, предложили группе русских женщин, среди которых был и чей-то отец, уходить и пообещали не трогать. За сельской околицей их догнали и долго били.

Когда Любовь Васильевна очнулась — увидела лежавшего поблизости того самого мужчину. Бездыханного. В полузабытьи, не имея сил встать, она ползла несколько километров вдоль дороги, пока ее не заметили военные с ближайшего блокпоста. Немного придя в себя после пережитого, солдатская мать снова отправилась на поиски, и, наконец, в одном чеченском селе боевики привели ее к своему главарю Хайхороеву. Тому самому, который захватил, а после приказал убить ее сына. Бандитский «авторитет» не стал отпираться, лишь цинично произнес: «У него была

возможность остаться в живых. Мы ему предложили сменить веру, но он отказался». Не помня себя от горя, мать умоляла убийц отдать ей хотя бы тело. Но ей объяснили, что без денег с ней никто разговаривать не будет. Еще сказали, что ее просьба будет стоить тысячу американских долларов. Ну и еще придется выложить по столько же за каждого из троих друзей Евгения, казненных вместе с ним.

Вернувшись в Курилово, Любовь Васильевна спешно продала свою квартиру. Всего за четыре тысячи долларов. Ровно за столько ей предстояло выкупить тела сына и

его друзей. Она снова поехала на Кавказ.

Была поздняя осень 1996-го. После позорного Хасавюртовского мира российские войска покидали Чечню. Боевики праздновали победу, и солдатскую мать тут никто не ждал. С большим трудом она нашла нужного чеченца — свидетеля или участника казни, который за четыре тысячи «зеленых» согласился показать ей участок на брошенном картофельном поле размером с гектар, где были погребены Женья и его товарищи. С транспортом помог майор Попов, который на свой страх и риск дал в распоряжение

матери грузовик и пару саперов. Ехали ночью, соблюдая маскировку, так как там был уже глубокий тыл масхадовцев. Когда при свете автомобильных фар в раскисшей от дождей воронке от авиабомбы блеснул крестик, Любовь Васильевна поняла, что нашла сына. Мать привезла его в Курилово и похоронила на здешнем кладбище. Голову Жени, правда, в тот раз так и не нашли среди четырех тел в затопленной осенней водой яме. Плохо стала спать женщина, а если засыпала, то сын приходил к ней и укорял: «Что ж ты, мама, меня без головы похоронила?»

И мать вновь поехала в Чечню, уже без всяких денег. Там каким-то чудом нашла того же самого «нужного» человека. Презрев страх, подступилась к боевику с упреком: обманул, тело сына продал без головы. Усовестившись, поборник джихада вскоре принес матери то, что она требовала. Воротилась Любовь Васильевна в свой поселок и, похоронив голову Жени рядом с телом, впервые за последние месяцы спокойно заснула.

Потерявшая на войне единственного сына, она стала для тысяч молодых российских солдат второй, общей мамой. Тонны продуктов и теплой одежды, чтобы не замерзли зимой ее сыночки, собирала и сама доставляла на войну, туда, где было совсем нелегко русскому солдату. Любовь Васильевна за эти годы стала своей в военных госпиталях, где она, не щадя сил, помогала раненым и больным солдатам преодолеть невзгоды. И помогает до сих пор. Каждый год 23 мая, на день рождения Евгения, и одновременно в день его мученической гибели у могилы воина собираются сотни людей, приехавших отовсюду. Чтобы почтить светлую память русского солдата, оставшегося до конца верным матери, Родине и присяге. И практически каждый раз высоко в чистом небе над русской землей встает сияющая многоцветьем радуга.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Чечня. 1995

ФОТО: ВАСИЛИЙ ПАНЧЕНКОВ/ТАСС

Чечня. 2000

ФОТО: PHOTOPRESS

Где супы с грибами, там и мы с руками

Максим Сырников

Великопостное утешение для православного человека — традиционные грибные похлебки. Щи с белыми грибами, грибная лапша, постные солянки и рассольники. Как правило, все это готовится из сухих грибов.

У едва ли не каждой русской хозяйки на зиму припасены мешочки с ароматными осенними заготовками. В дни Великого поста эти запасы особенно востребованы. Можно приготовить постную похлебку и из грибов соленых. В вологодских и новгородских деревнях такие яства популярны и поныне. Лучшие грибы в похлебке — соленые белые или желтые грузди. Но любые другие тоже подойдут. Лишь бы были они по-настоящему солеными, а не укусно-маринованными.

Грибная похлебка

стакан соленых грибов
 одна средняя репа
 морковь
 корень петрушки
 стакан шинкованной свежей капусты
 столовая ложка пшеничной муки
 четыре тарелки воды
 одна луковица

Мелко нарезать грибы, репу, морковь и капусту. Все ингредиенты положить в кастрюлю, залить водой и варить до полного размягчения репы и капусты.

Поджарить на сухой сковороде ложку муки до светло-коричневого цвета, тщательно размешать прямо на сковороде в нескольких ложках горячей воды и добавить мучную заботку в похлебку. Перед подачей посыпать мелко нарезанным репчатым луком.

Лапша грибная

А вот грибную лапшу лучше приготовить из сухих боровиков.

60 г сушеных грибов
 6 тарелок воды
 одна луковица
 одна морковь
 лук-порей
 корень петрушки или сельдерей
 соль, черный перец
 постное масло — две столовые ложки
 зелень укропа и петрушки
 домашняя или покупная постная лапша

За 2–3 часа до начала приготовления грибы следует замочить в холодной воде. Из предварительно замоченных грибов и корней

сварить бульон. Грибы вынуть, нарезать тонкими полосками. Лапшу отварить до готовности в небольшой части получившегося бульона, вместе с грибами. Откинуть все на сито. Оставшуюся часть бульона довести до кипения и добавить в него лапшу и грибы. Часть бульона, где варилась лапша, можно использовать для приготовления соуса. Перед подачей добавить ложку постного масла. Посыпать измельченной зеленью.

Своя

МАРТ 2015

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины